

№4

Апрель 2016

РУССКИЙ КЛУБ

СНЫ В ТБИЛИСИ

Стр. 48

ПОД СОЛНЦЕМ
— ГРУЗИЯ МОЯ

Стр. 12

Мир без преград

8 (800) 200-77-99

звонок по России бесплатный

www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ. Генеральная лицензия Банка России № 1000

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Александр СВАТИКОВ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:
Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ-ШАДУРИ
Донара КАНДЕЛАКИ
Вера ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректор
Марина МАМАЦАШВИЛИ

Допечатная подготовка
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
ГОГИ КАВТАРАДЗЕ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
ГУЛБАТ ТОРАДЗЕ
ДЖАНСУГ ЧАРКВИАНИ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-
РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

США
АЛЕКСЕЙ ЦВЕТКОВ

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№4
(126)
Апрель 2016

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 СИДЯЩАЯ АНАСТАСИЯ
МЕДЕЯ АМИРХАНОВА
- 9 «МЕЛОДИИ ВЕРИЙСКОГО КВАРТАЛА». КАК ЭТО БЫЛО?
НИНА ШАДУРИ
- 12 ПОД СОЛНЦЕМ – ГРУЗИЯ МОЯ
ВАЛЕРИЙ САНДЛЕР
- 20 ЕРКИН КАСЕНОВ: «РУССКИЙ ТЕАТР АСТАНЫ ГОРДИТСЯ
СВОИМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕМ»
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ
- 23 ПАВЕЛ ДЕРЕВЯНКО: «ХОЧУ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ С СОБОЙ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 26 «Я ТРОГАЮ СТАРЫЕ СТЕНЫ...»
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 32 ПО ЗАКОНУ ВЕЧНОСТИ...
АНАИДА ГАЛУСЯН
- 35 МУХАМБАЗ ДЛЯ ДУДУКА
АГАСИ АЙВАЗЯН
- 38 ТЯГА К МУЗЫКЕ
МАРИЯ КИРАКОСОВА
- 44 ЛАТЫШ И ГРУЗИНСКАЯ ФАРМАЦЕВТИКА
НОННА ГАБИЛАЯ
- 48 СНЫ В ТБИЛИСИ
ИЛЬЯ ЛИСНЯНСКИЙ
- 54 «РУССКИЙ КЛУБ» РАСШИРЯЕТ ГРАНИЦЫ

На обложке – Прошлое и будущее

Фото Александра Сватикова

от а до я

■ Роб АВАДЯЕВ

ГУМИЛЕВ, РОНСАР И ПУСТЫНЯ САХАРА

Исполняется 130 лет со дня рождения знаменитого поэта Серебряного века Николая Гумилева. И этому событию, конечно же, будут посвящены множество журнальных статей, юбилейных изданий, концертно-поэтических программ и телепередач. Его помнят и любят. Кроме того, что Гумилев сочинял чудесные стихи и был любимцем читающей публики, он был еще стильным денди и законодателем мод с повадками популярной «звезды». А также героем светских сплетен и анекдотов. Вот один из них:

«Что Вы почувствовали, когда впервые увидели пустыню Сахару?» – допытывались восторженные поклонницы у поэта, который, как известно, был еще путешественником, слыл храбрецом и настоящим романтическим героем, похожим на байроновского Чайльда Гарольда.

«Сахару? – надменно вскинул брови Николай Степанович, – Я ее не заметил. Ехал на верблюде и читал Ронсара».

Один из друзей со смехом усомнился:

«Врет! Интересничает. На верблюде не считаешь – качает сильно».

Современных российских туристов около пирамид частенько зазывают покатаются на верблюдах бедуины – действительно, трясет неимоверно.

Так вот, не врал Гумилев! Один знакомый геофизик проверил. Правда, не на верблюде, а сидя на кожухе двигателя в кабине ГАЗ-66 и упершись ногами в переднюю панель. Но зато в пустыне, по барханам и именно стихи французского поэта XVI века Ронсара из сборника «Поэзия Плеяды». Спутники не верили, что при такой тряске можно разобрать хоть букву, и он читал им вслух.

«ДИВНЫ ДЕЛА ТВОИ, ГОСПОДИ»

Таким был текст первой на свете телеграммы, отправленной из Вашингтона в Балтимор по способу американского изобретателя Морзе в 1844 году. Поразительно, но сейчас Сэмюэл Морзе больше известен, как художник, оставивший портреты знаменитостей начала XIX века. Ведь он был вовсе не «физиком», а самым настоящим «лириком» – художником и дизайнером. И изобретать начал по чистой случайности – услышал разговор на корабле, где один из пассажиров объяснял устройство только что изобретенного электромагнита. Это и стало толчком для его воображения, а талант помог придумать телеграф и код для передачи текста, состоящий из коротких и длинных сигналов – точек и тире. Или, как его сейчас называют, азбука Морзе. В конце апреля исполняется 225 лет со дня рождения Сэмюэла Морзе. И в преддверии Дня смеха можно вспомнить анекдот, посвященный его

изобретению: Человек выучил азбуку Морзе, и с той поры никак не мог заснуть, когда за окном барабанил дождь – все вслушивался в точки и тире.

АКАДЕМИК ДЖАВАХИШВИЛИ

Аристократия во все века была элитой общества, и образ жизни аристократов отличался от жизни простолюдинов особым положением, высоким уровнем достатка, образованности и даже роскошью. Но и платили аристократы за свой статус кровью. В древности они были воинами, вели за собой войска, сражались в первых рядах и погибали. Но уже в XVIII-XIX веках из аристократии стали выдвигаться совсем другие люди – просветители, ученые, писатели, художники и музыканты. Но с древними представителями национальной элиты их роднило чувство патриотизма и любви к Родине.

Весна 1917 года, революционный Петроград. В помещении шикарного кино «Элита» на Невском проспекте собралось множество людей. Это были профессора и студенты грузинской национальности. Казалось, что двигало этой большой группой прекрасно образованных и комфортно устроенных жителей Петербурга? Они собрались по очень важному поводу: открыть новый университет в далеком прекрасном Тифлисе. Какие блестящие имена откликнулись на призыв вернуться на родину, чтобы учить молодое поколение! А.Г. Шанидзе, И.А. Кипшидзе, Ш.И. Нуцубидзе, А.М. Бенашвили, Г.С. Ахвледиани, Е.С. Такашвили, П.Г. Меликишвили из Одесского университета, К.С. Кекелидзе из Киевского университета, а также Д.Н. Узнадзе и Ф.Г. Гогичаишви-

ли — питомцы Лейпцигского университета. Но подлинным вдохновителем этих блестящих людей стал выдающийся грузинский историк и филолог, ученик академика Н.Марра, приват-доцент Петербургского университета Иване Джавахишвили, которому 11 апреля этого года исполняется 140 лет. Этот выходец из старинной княжеской семьи был уже известнейшим ученым, автором научных трудов, прославившийся исследованием рукописных фондов Синайского монастыря Св. Екатерины. Иван Александрович Джавахишвили вернулся в Грузию и в феврале 1918 года, по существу, стал основателем Тбилисского университета, затем был избран вторым ректором вплоть до 1925 года. Но представители большевистского руководства Республики уволили его за «немарксизм». Хотя новая власть прекрасно понимала истинную ценность ученого. Его оставили в покое, дали заниматься исторической наукой и готовить высококлассных специалистов, ставших профессорами и академиками. В 1939 году он был избран действительным членом АН СССР, его именем назван основанный им университет, а также Институт истории Грузии и одна из улиц Тбилиси.

ЮБИЛЕЙ САНДРО АХМЕТЕЛИ

Исполняется 130 лет со дня рождения одного из основоположников грузинского национального театра, режиссера-новатора и смелого экспериментатора, Александра Васильевича Ахметели — ученика великого режиссера Котэ Марджанишвили. Он родился в семье священника в Сигнахском районе. Окончил Телавское духовное училище, а после учился в гимназиях азербайджанской Гянджи и Тифлиса. И со школьных лет увлекался театром. По окончании юридического факультета Петербургского университета вернулся на родину и избрал театральную стезю. А когда в Тбилиси приехал знаменитый Марджанишвили и возглавил театр имени Руставели, то Sandro Ахметели стал его очередным режиссером. Так началось их творческое сотрудничество. Некоторые спектакли

они даже ставили вместе. Творческий тандем с опытным и состоявшимся мастером обогатил Ахметели. У него появился свой собственный стиль — эмоциональность, экспрессионизм, героика, выразительные массовые сцены, изобретательная сценография и даже приемы старинного народного театра Берикаоба. Это было так самобытно и неожиданно, что у Марджанишвили с Ахметели началось недопонимание и споры, переходящие в ссоры. Им явно стало тесно в одном гнезде. К тому же Sandro был более волевым и жестким с артистами, которые пользовались снисходительностью Марджанишвили и позволяли себе много вольницы. Старший уступил младшему и уехал в Кутаиси, возглавив тамошний театр, а вслед за ним потянулись многие опытные актеры. Ахметели остался в очень трудном положении, но справился, и с этого момента начали один за другим появляться спектакли, ставшие его визитной карточкой. Но их успех и стал причиной трагической развязки. Недовольство начальства, театральные дразги, скандалы, обиды с распределением ролей, бесконечные жалобы в вышестоящие инстанции на диктаторские замашки главного режиссера не могли не вызвать отпора страшного и бескомпромиссного Sandro. Всесильный Берия стал личным врагом, когда руководитель театра отказался выполнять его распоряжения. В годы Большого террора Ахметели был арестован и расстрелян. Советская власть не терпела смелых и непокорных. На долгие годы имя опального режиссера было забыто, но сейчас оно возвращается истории — восстанавливаются его спектакли, печатаются книги о нем, открыли памятник и мемориальную доску, есть станция метро и театр его имени.

СПОКОЙНОЕ ДОСТОИНСТВО УМА И ТАЛАНТА

Ее старинная и знаменитая фамилия, принадлежащая знатному роду, переводится с грузинского, как «вознесенный», «вознесшийся», т.е. очень высококороченный. Великолепная грузинская художница Елена Дмитриевна Ахвледиани, или всеобщая Эличка — так ее называли в городе все, и взрослые, и дети — действительно, несла в своем облике то, что называют «породой», подлинным аристократизмом. Но без всякой бледной немощности не приспособленного к жизни оранжерейного растения. Как говорили в прежние времена, она несла на челе спокойное достоинство ума и таланта. Ее облик — это облик человека-труженика, человека-творца. Умна, добра и талантлива — это было видно с юности. Еще с тех времен, когда восемнадцатилетняя девушка — дочь врача из небольшого Телави привезла свои первые работы на выставку в грузинскую столицу. И сразу все получилось — сначала Тбилисская академия художеств в классе Г.Габашвили, затем четыре года в Париже и академия Коларосси, знакомство с Пикассо и Синьейком, Ларионовым и Гончаровой, Судейкиным и Ильяздом, и успех на сезонных выставках в салонах «Независимых» и «Четырех дорог». А по возвращению — дружба и работа с Котэ Марджанишвили, более 60 оформленных спектаклей, пейзажная живопись, виды Тбилиси и маленьких городков, иллюстрации к Сервантесу, Лонгфелло, Гюго, Важа Пшавела, Чавчавадзе. И дружба на всю жизнь с самыми замечательными и талантливыми людьми своего времени. Ее уже давно нет с нами, но город помнит свою Эличку и собирается 5 апреля праздновать ее столетие.

Сидящая Анастасия

■ Медея АМИРХАНОВА

Эту удивительную историю я услышала несколько лет назад. И с тех пор не раз мысленно к ней возвращалась, дав себе слово поговорить с очевидцами и разыскать тот самый дворик...

Анастасия Никишева родилась в 1886 году в Тбилиси. Ее отец был родом из Петербурга, приехал в Грузию по работе — строить железную дорогу. Тем, кто работал в паровозном депо, в то время давали участки под дом в Нахаловке. Росла Анастасия при мачехе — мать рано умерла, отец женился во второй раз, и в этом браке родились две дочери. К 18 годам девушка осталась круглой сиротой. Рассказывают, что Анастасия пленяла своей красотой. Она работала телефонисткой, любила ходить на танцы, которые устраивались в здании нынешнего Дворца молодежи. Ухаживали за ней многие, но сердце она отдала одному молодому офицеру. Как-то раз девушка вернулась домой позднее обычного, и за это подверглась

наказанию от мачехи. Ее заперли в доме. Когда на следующий день возлюбленный Анастасии пришел ее повидать, мачеха заявила, что девушка тронулась рассудком и ее забрали в сумасшедший дом. Влюбленного так потрясла эта новость, что он выхватил револьвер и застрелился на пороге дома Анастасии.

Девушка тяжело переживала смерть любимого. Она отреклась от внешнего мира, выбрав себе суровое наказание. Села на корточки, на пятки во дворе своего дома и больше не вставала до конца жизни. Так она провела 65 лет (!). Анастасия прожила 84 года. Трудно даже представить себе такое, не то чтобы осуществить! Но, то нам, людям обычным, решимость же и выдержка Анастасии не от мирской жизни. Иначе как чудом это не назовешь. Может быть, способность управлять физическим телом дается лишь тем единицам из тысячи тысяч, кто полностью укротил свой дух.

Анастасия Никишева

Кто отказался от благ и простых человеческих радостей, посвятив себя искуплению и смирению. Она молилась дни и ночи, не замечая ни дождя, ни снега, ни ветра. Голова ее упиралась в колени. В таком положении по всем физическим законам она должна была замерзнуть, если бы очень повезло — занедужить. Но Анастасия ни на что не жаловалась, силы не покидали ее. Спала сидя. Зимой укрывалась лишь вязаной шалью, так и сидела заснеженная. Голову всегда просила брить наголо, нисколько не жалея об утраченной женской красоте. Ни у кого не брала одежду.

Она отказалась от мира, но мир сам пришел к ней. Мол-

ва об Анастасии ширилась, к ней стали приходить люди со своими бедами и просьбами. Расставляли во дворе зеленые скамеечки (краску для них добывали в паровозном депо) и молились вместе с Анастасией, пели, спрашивали о том, что их тревожит. Подвижнице приносили фрукты, но брала она их не у всех. Если человек не нравился, откатывала яблоки к воротам, бранила. В советские атеистические времена верующим приходилось нелегко, их могла разогнать милиция. Но люди ничего не боялись.

Архимандрит Рафаил (Карелин) в своей книге «Тайна спасения. Беседы о духовной жизни» пишет, что особенно много народа приходило к Анастасии во время войны – узнать о судьбе близких. «Если она давала землю, это означало, что человек был убит. Бывали случаи, когда в пост она давала посетителю мясо. Это смущало некоторых людей, но тем самым она приточно показывала, как мы держим свой внутренний пост, в каком состоянии наше сердце». «Почти все люди, посещавшие Анастасию, рассказывали, как сбывались вещи ее слова». О пророческом даре матушки

прослышали и сильные мира сего. Родной племянник Анастасии, Георгий Сазонов вспоминает, как однажды пришла в этот двор мать Берия, в сопровождении охраны из двух человек. Она протянула маленькому Георгию яблоко и сказала: «Пойди, поиграй». Содержание беседы осталось для мальчика тайной. Помнит Георгий и визит Василия Мжаванадзе, первого секретаря ЦК КП Грузии. Старица предрекла ему, что через год в Тбилиси случится сильное наводнение, и вода смоем весь правый берег. Мжаванадзе принял меры, укрепил набережную. Кура действительно на следующий год вышла из берегов, но столица не пострадала.

Волею Божьей двор, где жила старица, сохранился по сей день. Поднимаешься от переходного моста к улице Химшиашвили. Старые деревянные ворота (их не меняли с самой войны), стражи тишины – высокие кипарисы. Племянник Анастасии тоже живет уединенно, соседи практически ничего о нем не знают. Я приходила сюда несколько раз, но дверь неизменно оказывалась закрытой. И когда начала сомневаться, что что-то получится, зазвонил мой телефон: Георгий прочел оставленную мной записку. Наверное, Анастасия хотела, чтобы я пришла к ней трижды...

Место, где сидела Анастасия, обнесено низким заборчиком. Внутри стоит фотография молодости – улыбающаяся Анастасия и икона преподобномученицы Анастасии Римляныни. Под фото горит лампадка. В последние годы матушку перевели под навес. Она очень не хотела, сопротивлялась, вспоминает Георгий. Войти в эту маленькую келью, прикрытую занавесью, можно лишь согнувшись в три погибели. Высота потолка – чуть больше метра. Весь угол стены занимают иконы – никаких личных вещей. Нехитрый скарб – кое-что из посуды разобрали верующие. Георгий жалел тетю, у входа под навес поставил деревянную печку. Чаще всего она сидела у входа, прислонившись к косяку. Так и отошла в мир иной.

За долгие годы сидения ноги ее под коленями срослись. Хоронили старицу в специальном гробу – со ступенчатой крышкой. Людской поток не прекращался – проститься с Анастасией приходили все те, кому она помогла своими молитвами, советами, исцелила, открыла истину. Со дня смерти Анастасии прошло почти полвека (1970), а люди продолжают обращаться к ней за помощью. Слышала, что на ее могиле на Кукийском кладбище никогда не бывает безлюдно. По воскресеньям проводится служба. Посетители кладут на могилу яблоки, хлеб, соль, а спустя какое-то время забирают, веруя в целебную силу, надеясь, что Анастасия не оставит их в беде. Приезжают и издалека – из Франции, Америки...

Георгий ухаживал за сидящей Анастасией всю свою жизнь. Он знает и помнит то, что уже стерлось, забылось или малоизвестно о подвижнице. Чтобы искупать Анастасию, женщины приносили воду из бани, в ведрах. На том месте, где она сидела, устраивали ширму из простыней. Трескучий мороз, зима

Георгий Сазонов во дворе дома

Келья Анастасии

на дворе, в воздух поднимаются облака пара... Анастасия могла по несколько дней не принимать пищу, соглашаясь разделить трапезу лишь вместе с посетителями. Иногда вязала. Георгию каждый день за его старания дарила пять копеек, давала ему лимонад «Лагидзе».

Судьба Георгия тоже складывалась непросто – отца его арестовали, мать (одна из сестер Анастасии) умерла в 1947 году. Мальчика усыновили тетя с мужем, дав ему новую фамилию Сазонов (урожденный Макашвили). В 1949 году умерла и тетя. Отчим привел в дом новую жену. С характером, надо сказать. Мачеха Георгия сразу стала наводить новые порядки. Особенно ее раздражала сидящая старика. Для Георгия же не было никого ближе Анастасии...

Когда в Грузии наступили сложные времена (90-е – начало 2000-х), Георгий не раз подумывал переселиться в Россию. Есть в Ставрополе свой участок и дом. Но никак Георгий не решился – слишком многое связывало его с этим старым домом. Он – хранитель неразгаданной тайны, которая влечет к себе людские сердца. Людям отчаявшимся, страждущим важно знать, что есть где-то тихая обитель, где можно просить о помощи. Если люди стучатся в эту дверь, значит, им кто-то должен отворить....

– Еще при жизни Анастасии, – рассказывает Георгий, приходила сюда женщина по имени Паша, из Шулавери. Сын ее Петя болел астмой, и внук Леня имел проблемы со здоровьем. Анастасия ей сказала, что надо ехать на чужбину, и тогда родные поправятся. Но женщина сомневалась – тут налаженный быт, собственный двухэтажный дом, неплохой доход. Как все бросить? Прошло 10 лет, прежде чем она рискнула покинуть Грузию. Позднее эта семья пригласила меня в гости, в Россию. Петю я сразу и не узнал. Энергичный, и думать забыл о болячках, весь в бизнесе.

Со мной лично такой был случай. Сосед Шота Годердзишвили позвал на рыбалку. Сели на его «победу», взяли снасти, только беспокоимся, что бензина не хватит. Хотели подальше куда-нибудь съездить, в Азербайджан. Анастасия мне перед поездкой сказала: «Отправляйтесь, все у вас будет». Проехали мы километров 150, позади Казах, Акстафа, остановились в степи передохнуть. Ветер траву так и колышет. Шота вдруг кричит истошно: Жора, Георгий, сюда! Бегу к нему – смотрю в траве 25-рублевая купюра. Немаленькие деньги по тем временам! Обрадовались, конечно, что говорить. Рыбку и Анастасии привезли. Любила она ее.

Анастасия к влюбленным особенно благоволит, помогает семейное счастье обрести, дает детей бесплодным парам.

Несколько лет назад приходила во двор мо-

Могила Анастасии на Кукийском кладбище

его дома молодая курдянка по имени Анна. В университете училась, как помню. Помолится, посидит недолго и уйдет. В тот период приезжал сюда молиться и юноша из Западной Грузии, Давид. Приглянулась ему девушка, попросил меня замолвить за него словечко. Я попробовал – Анна и слышать не хотела. Прошло еще какое-то время... В один из осенних дней открывается дверь, и вижу – входят они вдвоем. В руках Анны букет розочек – принесли матушку Анастасию благодарить за счастье свое. Сейчас у них дочка растет...

«В моей жизни мне приходилось встречать людей, которые жили в атмосфере какого-то постоянного чуда, – написал архимандрит Рафаил Карелин. – Как будто физические законы, немощи человеческого тела, страсти, колеблющие душу, не существовали, как будто, если выразиться образно, для них не было самого притяжения земли. Таким человеком была Анастасия, которую в народе называли «сидящей Анастасией».

«МЕЛОДИИ ВЕРИЙСКОГО КВАРТАЛА». КАК ЭТО БЫЛО?

■ **Нина ШАДУРИ**

Чуть больше 40 лет назад Георгий Шенгелая снял чудесную музыкальную картину «Мелодии Верийского квартала» — в лучших традициях американского мюзикла (да и как можно снимать такое кино без оглядки на Голливуд?), но на грузинский манер. Автор великого фильма «Пиросмани» сделал кино о времени, стране и героях гениального художника-самоучки.

Сегодня можно только удивляться, как режиссеру удалось собрать в одной картине лучших артистов Грузии — Софику Чиаурели, Рамаза Чхиквадзе, Бубу Кикабидзе, Кахи Кавсадзе, Гоги Кавтарадзе, Додо Абашидзе... В фильме снялись

Георгий Шенгелая

Алиса Фрейндлих и будущая «небесная ласточка» Ия Нинидзе.

Сюжет — проще не бывает. Это история о том, как прачка Вардо делает все, чтобы дочери бедного возчика Павле смогли учиться в дорогом танцклассе приезжих итальянцев. Она даже решается на кражу. И оказывается в тюрьме. В знак протеста на улицу высыпают негодующие горожане, а все прачки города объявляют забастовку. Само собой, все заканчивается счастливо — девочки поступают в танцкласс, Вардо отпускают, а Павле делает ей предложение.

С просьбой рассказать о том, как снималась картина, мы обратились к Георгию Шенгелая.

Скажу откровенно, о непростом характере режиссера в Грузии знают все. Шенгелая — человек резкий, требовательный и неуступчивый. Ну, а уж о том, что он не любитель давать интервью, известно давным-давно. Но нам повезло — на разговор Георгий Николаевич, честное слово, согласился сразу же.

— Георгий Николаевич, почему после изысканного философского фильма «Пиросмани» вы так резко сменили жанр?

— Да, до «Мелодий» я снимал авторское кино. И «Пиросмани», и «Алавердоба»... Но подавать с экрана глубокую, элитарную, серьезную историю в таких масштабах, как большое кино, сложно. Зрители — это, в основном, или тинэйджеры, или люди с улицы. Поймите, к зрителям у меня нет никаких претензий. Ведь не каждый имеет такое образование, чтобы смотреть и понимать авторское кино. Когда «Пиросмани» вышел на

Кадры из фильма «Мелодии Верийского квартала»

экраны в Тбилиси, я пошел в кинотеатр посмотреть, что там происходит. В зале сидели три человека. Притом в очень небольшом зале – подобным фильмам давали четвертую категорию, и они шли малым экраном. Кстати, поэтому нам за такое кино в советское время ничего и не платили, мы получали какие-то копейки. И я стал думать – что делать? Ведь в кино, начиная с его возникновения, постепенно усиливалась коммерциализация. Это пошло от Голливуда – на первый план все больше выходит зрелищность. Один из самых моих любимых режиссеров – Джон Форд. Вот у него есть и авторские фильмы, и жанровые, или, как я их называю, демократические. Я выбрал для себя такой же путь. И мне захотелось снять картину для широкого зрителя. Я вообще очень люблю американские мюзиклы – «Мою прекрасную леди», «Вестсайдскую историю». Но если говорить откровенно, то к съемкам «Мелодий Верийского квартала» меня подтолкнул мой младший сын Сандро. Мы с ним ходили в кино на мюзиклы, и однажды, когда вышли из кинотеатра, он меня спросил: «Папа, а ты можешь снять такое же кино?» Это стало конкретным поводом. И я решил снять фильм, который понравился бы моему сыну.

Мюзикл – очень старый жанр. В его основе не лежат реальные истории, какие-то социальные проблемы. Это сказка. В фильмах других жанров история, как правило, не до конца реализована, и зрителю потом приходится думать. А в мюзикле – все реализовано и все хорошо кончается. «Моя прекрасная леди», например, – это сказка про Золушку. Вообще мюзикл должен быть основан на мифе. Кроме того, мюзикл хорошо получается, если он костюмированный. Исходя из всего этого, я стал подбирать какую-нибудь старую грузинскую пьесу. Хотя все они – по литературной традиции XIX века – переделки европейских пьес. Так, основой для «Ханумы» послужила пьеса Герода «Сваха, или Сводня». Кроме того, мы искали и нашли дополнительные материалы – в частности, сюжетную линию танцкласса, который в старом Тифлисе действительно вели итальянцы. И получился сценарий картины-сказки о том, что талантливые дети из низов и вообще простые люди, такие, как прачка и извозчик, имеют шанс попасть в высшее общество.

С самого начала я считал, считаю и сейчас, что две главные роли фильма – это роли двух

девочек. Но надо было найти исполнительниц. На студии шли грандиозные кастинги. Большая удача, что появились Ия Нинидзе и Майя Канкава. Остальные актеры были хорошо известны. И Буба Кикабидзе, и Рамаз Чхиквадзе, и Алиса Фрейдлих, которую я увидел до этого в каком-то фильме Элема Климова, где она прекрасно пела. Я приглашал тех, кто хорошо пел и двигался.

– Но ведь вместо Софики Чиаурели спела Нани Брегвадзе?

– Софику я выбрал потому, что она была необыкновенно пластична. Она и пела замечательно, но у нее был дискант, высокий голос. А нам был нужен голос пониже. Поэтому я позвал Нани. И она все спела просто с ходу. К тому же, это не было озвучание – все песни записывались заранее. Потом запись запускали во время съемок, и под нее артисты, как говорится, открывали рот.

– Как вам работалось с супругой?

– Даже не знаю, что вам сказать. Софику была настолько профессиональна, что в работе не было ничего личного. Очень часто бывает, что режиссер, когда снимает свою жену, как бы выпячивает ее, выдвигает на передний план. Вы сами видели – в «Мелодиях» этого нет. Так вот, когда я собрал актерскую команду, то привел всех в кинозал, усадил и пустил пробы этих девочек, Нинидзе и Канкава. И сказал – вот вам пример того, как вы должны играть. Абсолютно раскрепощенно, по-детски. Все так и играли. И, вы знаете, именно потому, что все они были большими артистами и хорошими людьми, эта детская игра доставляла им огромное удовольствие. Взрослые артисты на какое-то время превратились в детей и разыгрывали сказку. На съемках нам всем от этих девочек передавалась какая-то радостная энергия... Мне работалось одинаково хорошо со всеми. Единственный человек на картине, который абсолютно не имел слуха и не умел петь – Додо Абашидзе. Но я категорически хотел, чтобы он озвучивал свою роль сам. Блестяще и легко пели Алиса, Нани, Рамаз, Буба. А вот Додо записывался столько же времени, сколько записывались все остальные. Композитор был в ужасе... А в целом – съемки прошли как праздник и для артистов, и для меня. И стали праздником для зрителей. Когда картина вышла на экран, было огромное стечение народа. Это всегда радует авторов. Все-таки пустые залы – очень печальное явление.

– Вы пригласили в картину легендарно знаменитого в Грузии композитора Георгия Цабадзе.

– Гоги Цабадзе я пригласил даже не задумываясь. Я был уверен, что именно он сможет передать колорит старого Тифлиса. Вместе с автором текстов – прекрасным поэтом Морисом Поцхишвили – он все очень быстро написал. Гоги

вообще работал быстро, потому что эмоционально входил в сюжет текста, в сцену. И всегда все делал с полной отдачей. Конечно, важную роль сыграли и декорации, и костюмы, и все остальное, но музыка Цабадзе создала очень точную фактуру фильма – прошедшее время, не очень конкретное, немного сказочное. Я боготворил Гоги. Замечательный человек! Когда мы закончили картину, он в какой-то степени был удивлен результатом, не ожидал, что все так хорошо получится. Прошел год, и он меня спросил: «Слушай, почему меня никто не приглашает на новую картину?» Я ему шутливо ответил: «Гоги, ты уже все написал в «Мелодиях».

– Были ли какие-то преграды для фильма с официальной стороны?

– Никаких. Все прошло гладко, не было никаких поправок. Ни единой. На Всесоюзном кинофестивале в Баку «Мелодии Верийского квартала» разделили первую премию с «Калиной красной» Василия Шукшина. В этом есть что-то очень символическое – победили жанровая картина и авторская. Потом Софики получила приз за лучшую женскую роль в Чехословакии, а на фестивале в Сан-Себастьяне картине вручили приз Католической церкви.

– Какой эпизод фильма вам лично первым приходит на память?

– Сцена с прачками. Я начинал съемки с этого эпизода. Помните? Они танцуют и поют: «Мы стираем, стираем, чтобы отчистить все...» Это

основная мелодия фильма. Мне и сейчас очень нравится этот эпизод. Хотя я не пересматриваю свои фильмы. Вообще режиссеры не любят этого.

– Почему?

– Тяжело смотреть свои картины. Ведь на них потрачено столько энергии...

– А когда вы смотрели «Мелодии» в последний раз?

– Наверное, года два назад. Случайно наткнулся по телевизору.

– И какое у вас было впечатление?

– Очень хорошее! (Смеется). Вы знаете, мой самый младший сын учится в Америке, и недавно он взял у меня диск с «Мелодиями» и показал картину однокурсникам. Представьте себе, она вызвала дикий восторг среди американских студентов. Они решили провести обсуждение и пришли к выводу, что этот фильм входит в пятерку лучших мюзиклов мира. Даже прислали мне какой-то документ... А тот мой сын, по просьбе которого я снял «Мелодии Верийского квартала», до сих пор обожает эту картину. И благодарен, что я ее сделал для него. А я благодарен ему. Если бы он меня не попросил снять мюзикл, я бы снял совсем другую картину.

Для Ии Нинидзе эта картина имела какое-то символическое значение. Именно на съемках «Мелодий Верийского квартала» Софики Чиаурели как-то сказала, что готова взять в дочку такую славную девочку. Слова на какое-то время стали реальностью.

...Тринадцатилетнюю Ию в Тбилисском государственном хореографическом училище заметила ассистентка Георгия Шенгелая. Вообще-то трудно было не заметить Ию – она съезжала по перилам и чуть не сшибла ассистентку с ног. Но Римма (так ее звали) не рассердилась и не растерялась, а взяла ее за руку и задала сакраментальный вопрос: «Девочка, хочешь сниматься в кино?»

Но Ию таким вопросом было не удивить – ей его уже задавали, и не кто-нибудь, а сам Георгий Данелия, когда искал маленькую исполнительницу на роль в картине «Не горюй!» Ия и тогда, и в этот раз ответила одинаково: «Сниматься не хочу». И если бы не вмешательство родителей, она бы не сыграла две свои первые роли в кино. И ее судьба сложилась бы иначе.

Символично, что и в «Не горюй!», и в «Мелодиях...» она играла дочек героинь Софики Чиаурели. В третий раз эта роль ей досталась не на экране, а в жизни. Ия вышла замуж за старшего сына Софики и Георгия Шенгелая – Николая. И Софики всем говорила: «Это моя дочь!»

Увы, семейное счастье Ии было недолгим и закончилось болезненно. Но это, как говорится, уже другая история.

ПОД СОЛНЦЕМ – ГРУЗИЯ МОЯ

■ Валерий САНДЛЕР

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В АДРЕСНОМ БЮРО

Выписывая мне командировочные на поездку в Тбилиси, главбух Киргизского института научно-технической информации, где по переезде из Баткена во Фрунзе я целый год, прежде чем уйти в журналистику, трудился редактором за 105 рублей в месяц, возможно, не знал, что 70 «ночлежных» копеек в сутки может в лучшем случае хватить лишь на койку в деревенской гостинице, но никак не на место в приличном отеле. Но о том, что в столице Грузии, прежде чем селить первых постояльцев в только что отстроенную гостиницу, над главным входом вешают табличку «Мест нет», – главбух, скорее всего, не догадывался. Это потом мне объяснили умные люди, что вопрос «Есть ли свободные места?» – вопрос глупый, задавать его не следует, а следует, вложив в паспорт 10-20 рублей, подать администратору в обмен на ключ от номера. С этим правилом я знаком не был, поэтому, прилетев в Тбилиси 14 октября 1966 года, в поисках ночлега поколесив по городу на трамвае и в троллейбусе, навестив не меньше полудюжины отелей, всюду натываясь на пресловутую табличку, подался, пока не поздно, на ж/д вокзал, нашел незанятую дубовую скамью, на ней улегся, в подушку обратив командировочную «балетку», для пущего комфорта обернутую в плащ, – так и прокемарил

до утра. Которое, как в старой доброй сказке, оказалось мудренее вечера.

Замечу, что был к тому времени в моей биографии памятный адрес: Одесская область, город Болград, в/ч 75626, где начиналась моя служба в армии. Там я задружил с парнем из Грузии, звали его Шота Гогуадзе. Весельчак и певун, как и подобает грузину, он для меня написал русскими буквами текст знаменитой грузинской песни о Тбилиси. По вечерам, коротая время до отбоя, мы пели на два голоса под его аккомпанемент на гитаре: «Тбилисо, мзис да вардебис мхарео, ушенод, сицоцхлец ар минда. Сад арис, схваган ахали варази, сад арис, чагара Мтацминда». Шота рассказывал мне про свой дом в Тбилиси, приглашал приехать после дембеля к нему в гости; я обещал, что приеду, хотя сам в такую возможность верил слабо: в Киргизии, откуда я был взят в солдаты, меня ждали жена и дочь, ждала работа сельского учителя, до разъездов ли будет. Когда же из Болграда меня перевели служить в Кишинев (а случилось это по-военному быстро), я даже попрощаться с приятелем не успел...

Но в утро 15 октября, сбросив остаток ночной дремы, я уже знал, на что потрачу первый день в незнакомом городе: разыщу бывшего сослуживца, он поможет найти жилье на неделю, а то и приютит у себя дома – зря, что ли, так красиво о нем рассказывал. Иду в городское адресное

Встреча друзей. Фрунзе. 1984

бюро, заполняю бланк: фамилия – Гогуадзе, имя – Шота, в графе «отчество» делаю прочерк: солдаты друг друга по батюшке не величают; год рождения – такой же, как мой, 1939-й. Бланк вернулся с адресом: улица Орджоникидзе, 77. Спросил, каким автобусом туда проехать, – мне объяснили.

Радуюсь, что все удачно складывается, иду к автобусной остановке. «Зебра» для пешеходов далеко, аж на перекрестке, глянул по сторонам – машин нет, двинул напрямик. Тут, как в известной песенке про старушку, но с поправкой на мой не дамский пол, меня «остановил милиционер». Сержант милиции шел, помахивая жезлом, в мою сторону, я, обреченно, – ему навстречу, на ходу доставая из кармана штрафную трешку. На моем лице, наверно, было написано, что я не здешний, потому что он спросил: «Ты откуда?» Ответил как есть: из Киргизии мы, командировочные. Мою протянутую руку с трояком сержант отвел:

– Гостей не штрафует. Иди, больше не нарушай...

Без проблем нашел нужный дом и квартиру, постучал в дверь, мне открыли две молодые женщины, назвали сестрами Шота Гогуадзе; старшую звали Надия, младшую – Циури. Попозже пришла средняя, Тамара, Тамрико. Объяснили: брат здесь жил раньше, а недавно переехал в район Авлабар, на улицу Гутанскую, 17, просто еще не успел отсюда выписаться, а по новому адресу – прописаться. Но я дождусь его здесь: «У него сегодня утром дочка родилась, он в роддом уехал, скоро сюда приедет, расскажет, как жена и ребенок себя чувствуют». Мне было предложено отдохнуть с дороги, на скорую руку перекусить, «а Шота вернется – вместе поужинаем».

Мою руки над кухонной раковиной. Мысленно радуюсь, что проблема ночлега, похоже, почти решена. Рассказываю сестрам про то, как мы с Шота тянули солдатскую лямку, да какой он у них бравый, компанейский, веселый парень, и

как здорово играет на гитаре. Сестры слушают, переглядываются, как будто я сообщаю об их брате нечто прежде неслыханное...

Первый визит в незнакомую семью редко обходится без просмотра семейных фотографий. Вот и теперь – Надия, на правах старшей сестры, достала из комода альбом, раскрыла передо мной: «Это наш Шотико...» Со снимка на меня смотрел парень в солдатской полевой форме, в погонах рядового, с аккуратно подстриженными усами, без которых грузин – не грузин. Звали парня, ясное дело, Шота Гогуадзе, но его лицо я видел впервые!

Продолжаю листать альбом. Постепенно до меня доходит, что незнакомец, которого вижу на снимках, с минуты на минуту может войти, и тогда... Чувствую себя воришкой, который забрался в чужой дом и вдруг услышал, что вернулись хозяева. Выпутываться надо – но как? Сказать сестрам, что я не туда попал и вообще не тот, за кого полчаса назад себя выдавал, – и это после того, как представился сослуживцем и другом их любимого брата?! Пожалуй, надо смыться потихоньку, пока незнакомый мне Шота не пришел да не разобрался со мной по-мужски. Беру в одну руку свой выдавший виды плащ, в другую – обшарпанную «балетку», сестрам показываю заполненную, но не отправленную домой открытку: дескать, сбегая к почтовому ящику, опущу и вернусь. Надия тычет пальцем в мои пожитки: «А это зачем? Оставь, никто не украдет...»

Весь в холодном поту от стыда (мало того, что приперся в незнакомый дом, где тебя приняли по-человечески, так еще обижаешь людей недоверием!), я пристроил «балетку» в угол комнаты, пристроил на вешалку плащ, решив: выйду, прогуляюсь, а когда вернусь, Шота уже появится в квартире, ему я все объясню, он правильно меня поймет...

Два часа бродил по городу, о котором пел совсем недавно: «Такой лазурный небосвод си-
Тбилисский трамвай. 1980-е гг.

Сквер у станции метро «Проспект Руставели»

яет только над тобой!», — но до небосвода ли было мне, столь глупо попавшему в переплет! Что ж, видать, придется еще одну ночь перекантоваться на вокзальной дубовой скамье, но прежде я обязан, придя с повинной головой, покаяться перед ни о чем не подозревающими сестрами и их братом, да и житки свои забрать...

Полсотни метров оставалось до места моего будущего покаяния, как из-под арки дома по Орджоникидзе, 77 вышли — нет, вырвались стремглав! — Надия и Циури, и с ними Шота, которого я узнал еще издали по недавно увиденной фотографии. На ходу жестикулируя, он что-то горячо и сердито выговаривал сестрам, а те, судя по их виноватому виду, смущенно оправдывались. Тут все трое заметили меня — и картина резко поменялась, став из грозной — радостной. Мы сошлись. Шота крепко меня обнял и тут же отчитал:

— Ты как себя ведешь, кацо? Пошел открытку опустить — и с концом. Знаешь, как я сестер ругал: человек новый, город ему незнаком, зачем одного отпустили? Мы уже шли в милицию заявлять, что у нас гость пропал...

Мой жалкий лепет оправдания: извини, недоразумение вышло, адресное бюро виновато, вот бланк, смотри, — Шота слушать не стал, руку мою с бланком отвел, о гостинице даже думать запретил: «Остаешься

у меня. Сейчас тут ужинаем, потом едем ко мне в Авлабар, будем пить за здоровье моей жены и дочки, позже в роддом сбегаем...»

Уже в Авлабаре, хорошо за полночь, когда мы прилично нагрузились «кахетинским», Шота сказал, что настало время идти в роддом, до которого, оказывается, рукой подать. Подошли к роддомовской проходной. Шота постучал в затянутое провололочной сеткой окошко, а я, собрав остаток трезвости, спросил, отчего он так уверен, что нам откроют в столь поздний час. «А у нас пропуск есть, — отвечал Шота, вынимая из кармана трехрублевку. — Любую дверь открывает». И верно: одна «трешка» открыла нам ворота роддома, вторая впустила в отделение на третьем этаже, где обретались Лили и Хатун — жена и дочь молодого папаша. За третий «пропуск» молодой матери разрешили подойти к застекленной двери на лест-

ничную площадку и показать нам дитя. Помню слова Лили, через стекло обращенные ко мне, незванно-нежданному: «Шота вас хотя бы покормил? Вы там, наверное, голодаете? Извините, что так неудобно получилось...»

На другой день утром Шота пошел со мной в адресное бюро, чтобы помочь найти своего тезку и однофамильца. Седовласый, вежливый, с тихим голосом, сотрудник бюро перебрал карточки всех тбилисских Шота Гогуадзе, не считая того, кто стоял со мной рядом, и все они оказались «типичные не те» — или слишком молодые, или чересчур старые, чтобы быть моими сослуживцами. Мне лишь оставалось руками развести: «Как же так? Он ведь говорил, что живет в Тбилиси, у него свой дом, в гости меня звал...» — «А где вы с ним были знакомы? — спросил седовласый. — Ах, на Украине, в армии служили! Так я вам, уважаемый, скажу одну простую вещь: если грузин уезжает на сто километров от Грузии, то всем говорит, что он из Тбилиси. Ваш приятель может жить в каком-нибудь райцентре или в деревне, про которую никто не знает, — а Тбилиси знает весь мир!...»

Мы вышли на улицу. Шота положил мне руку на плечо: «Видишь, как все хорошо вышло. Не нашел одного друга — нашел другого...»

В один из дней моего нечаянного появления во дворе дома на Гутанской, 17, ко мне

Площадь Ленина. Тбилиси. Начало 1980-х гг.

Голубая галерея на пр. Руставели

подошел незнакомый человек: «Николоз меня зовут. Мы с Шота соседи. Если придешь, а его дома нет, заходи ко мне, отдохни, покушай». Двор был густо населен, квартирки крохотные, убранством небогатые, в нескольких я побывал, приглашенный хозяевами, и везде меня принимали, как гостя, которого ждали, он долго не шел и наконец пришел.

Случай сделал меня невольным свидетелем короткой дворовой перепалки между двумя соседками: не поделили веревку для сушки белья. Во двор вышел муж одной из них, повесил еще одну веревку, и спор утих, не успев разгореться.

По вечерам мужчины усаживались на свежем воздухе за грубо сколоченным дощатым столом, пили вино, благо за ним не надо было бежать в магазин — почти у всех имелось свое, домашнее; играли в нарды, в карты, говорили немного о политике, много и горячо — о футболе. В один из таких вечеров я оказался в их компании. За столом сидел незнакомый мне парень не из «нашего» двора и, как мне показалось, не грузин, хотя по-грузински говорил, словно это его родной язык. «Он русский,

— вполголоса ответил на мой вопрос Шота, — звать Анатолий. Родился в Тбилиси, живет на соседней улице. Жалко, ты скоро уедешь, не увидишь, как он классно в футбол играет». Также вполголоса я заметил, что в Грузии, это всем известно, любой мальчишка, едва выбравшись из пеленок, начинает играть в футбол, так с чего бы Анатолию быть исключением из этого правила? «Он-то как раз исключение, — ответил мой друг, — у него вместо ног протезы. Ему обе ноги трамваем отрезало. Но ты прав, в футбол он играет с тех пор, как выбрался из пеленок»...

...Тамаз, сотрудник грузинского ИНТИ, куда я был командирован, выполнял поручение своего директора — показать гостю Тбилиси. Мы вышли из здания института на улицу, он поднял руку, остановил такси, открыл дверцу, что-то сказал водителю, выслушал ответ, вынул из кармана трояк, протянул внутрь, захлопнул дверцу, такси отъехало, а мой провожатый тут же руку поднял, голосуя. Весь недоуменье, я спросил:

— Тамаз, зачем ты заплатил водителю, он же нас не взял?

— А как иначе! Человек ехал

в другую сторону, но остановился, чтобы меня выслушать. А мог в это время деньги зарабатывать. О, вот другая машина, в нее сядем.

Начав с проспекта Руставели, мы проехали через центр города — туда, где крепость Нарикала, где гора Мтацминда с Пантеоном, завернули в Ботанический сад... Меня все приводило в восторг: широкие проспекты и крутые, узкие, мощенные булыжником улочки, архитектура старых зданий. Своих эмоций я не скрывал. Так мы прокатились час, второй. Когда вернулись к зданию института, Тамаз, расплачиваясь, протянул таксисту купюру в 50 рублей — тот замахал руками, замотал головой, заговорил по-грузински горячо, помогая себе жестами. Тамаз рассмеялся, сунул деньги в карман, позвал меня из машины и на ходу объяснил: «Ему понравилось, как ты хорошо говорил о нашем городе, он тебя считает своим гостем, поэтому денег с нас не взял...»

Заканчивалась моя командировочная неделя. Днем я бегал по делам, вечером ехал в Авлабар. Шота приходил с работы, мы с ним шли проводить Лили с Хатуной, которые еще оставались в роддоме. Вернувшись на Гутанскую, Шота ставил на стол бутылку домашнего вина, за которым заранее съездил в свою родную деревню Ланчхути, и мы делились друг с другом историями из армейской жизни, каждый — из своей.

В последний день своей командировки, в самый канун отъезда домой я чуть было все не испортил. Сестры устраивали что-то вроде прощального ужина в мою честь. Понимая, что предстоят серьезные расходы, я решил в них посылить поучаствовать. Зашел в гастроном, купил курицу, конфеты и вино, на рынке набрал зелени и фруктов. С полной сумкой снеди явился на Орджоникидзе, 77, вполне собой довольный. Натия, Циури и Тамрико хлопотали в кухне, чему-то весело смея-

Витас Луцкус. Фото из серии «Грузия. Тбилиси». 1981

лись; Шота сидел на диване, листал газету. Я вошел, сестры увидели у меня в руках сумку с провизией, и веселье смолкло. За столом сидели в полном молчании. На мой вопрос – что случилось? – отвечали коротко: ничего не случилось. Не привлекая внимания сестер, Шота шепнул мне: «Выйдем во двор, покурим...» Как только мы оказались во дворе, сказал: «Валера, может быть, там, откуда ты приехал, принято, чтобы гость приносил с собой еду, но у грузин так не делают. Есть на столе курица – вместе едим курицу, будут одни сухари – грызем сухари. Ты нас больше не обижай, кацо...»

Урок я усвоил. Вернувшись в дом, извинился перед сестрами, был прощен, на прощанье – поцелован, и мы с Шота в последний раз отправились к нему на Гутанскую. Вечером другого дня он обещал проводить меня в аэропорт. Спать я лег за полночь – сидел, писал. С утра пораньше, заранее узнав адрес, поехал на проспект Руставели, зашел в редакцию газеты «Вечерний Тбилиси», положил перед приятной дамой, сотрудницей секретариата, пару страничек, итог моих ночных бдений: рассказ о том,

как я по недоразумению попал к незнакомым людям и что из этого вышло. Дама, дочитав до конца, спрашивает:

– Вы хотите видеть этот текст напечатанным – я угадала?

– Угадали, именно этого я хочу.

– Понимаю ваши чувства, – начала она тоном, каким взрослые объясняют малому ребенку, что ему еще рано мечтать о взрослом велосипеде, – но и вы поймите: читателей ваша заметка не удивит. Все равно, как если бы мы сообщили в газете, что тбилисец Шота Гогуадзе утром встал, почистил зубы, побрился и поехал на работу. Он вас не оставил ночевать на улице, принял, как родного? Но точно так же, поверьте, с вами поступили бы в любом грузинском доме, да хоть бы и в моем...

Не верить даме у меня не было причин. Оставалось попрощаться и уйти.

ВСЕМ ЕХАТЬ НАДО!

Мне показалось, что светофоры на тбилисских перекрестках – скорее элемент декорации, нежели «оптическое устройство, несущее световую информацию и регулирующее уличное движение транспорта

и пешеходов», как сегодня учит нас Wikipedia. Несчетное число раз я наблюдал за тем, как грузины за рулем автомобиля (частного, служебного – неважно) проскакивали перекресток на красный свет, точно так же поступали пешеходы. При этом (внимание!) аварий на дорогах Тбилиси случалось меньше, чем в моем Фрунзе, где в те годы частных автомобилей было считанное число, и они цепенели перед красным сигналом светофора, как кролик перед удавом. Заторы, время от времени возникавшие на дорогах Тбилиси, рассасывались мирно и быстро, без мата и мордобоя (это вам не Москва). Горячие споры между двумя, а то и тремя водителями, с их энергичной жестикულიцей, кого угодно могут ввести в заблуждение: вам кажется, что спорщики вот-вот схватятся за кинжалы, а они всего лишь решают, кому проезжать первому, а кому чуть погодить.

Картинка из жизни. Высокий, комфортабельный Ikarus, в котором сидят двое туристов и не менее тридцати туристов, важно проплывает по проспекту Руставели. Водитель увлекся разговором с блондинкой на переднем кресле и чуть не проскочил перекресток на красный свет. Визг тормозов, возмущенные выкрики из других машин, чьи владельцы пооткрывали боковые окна и, помогая себе руками, ругают нахала, мешая русские слова с грузинскими:

– Ты что, сдурел?!

– Несется, как ошалелый, светофора не видит!...

– Что вы от него хотите, человек первый раз сел за руль!

Водитель Ikarus'a не выдерживает, тормозит и высовывается наружу, чтобы ответить всем разом:

– Чего раскричались? Никуда я не несусь, нормальную скорость держу. Вам завидно, что у меня в салоне туристки со всего Союза – красавицы, блондинки! А у вас неизвестно кто...

– Как это «неизвестно кто»?

– Нет, вы видали нахала?! Он себя правым считает!

– Да я, может, в больницу спешу, у меня жена беременная!..

Снова водитель Ikarus'a:

– А ну, покажи, где она, твоя беременная? Нет у тебя никакой жены. Кому ты нужен такой! Наверное, старуху везешь, а мне завидуешь и злишься, что не можешь со мной померяться...

Посмеялись, облегчили души – и разъехались по своим делам.

Тбилисские автобусы и троллейбусы той поры – отдельная тема. Компостер, талончик, проездной билет – про все эти привычные атрибуты городского пассажирского транспорта приезжему следовало забыть на полный срок пребывания в грузинской столице. Здесь был в законе единственный способ оплаты за проезд – те же советские 5 копеек, только платить их полагалось водителю лично. Нет, не подумайте, общесоюзные талоны и проездные билеты существовали, но никто их покупать не думал, и у компостеров, установленных в салонах, работы не было. Вам как бы говорили: «У нас все просто, дорогой. Войди в автобус с задней двери, двигайся к передней; выходя, положи перед водителем на переднюю панель свои пять копеек, а уж он сам решит, сколько денег после смены сдать в кассу автопарка, а сколько принести в семью...»

Передвигался я по городу реже в метро, чаще – в троллейбусе или в автобусе, но ни контролера, который бы отлавливал «зайцев», ни самих «зайцев» мне встретить так и не довелось.

И пусть вас не удивляет сцена, мной виденная не раз. Автобус отходит от остановки, тихонько движется к перекрестку, а сзади, взмахивая руками, поспешает женщина: упустила, а ехать надо. Машина плавно притормаживает, останавливается, задняя дверь

открывается, женщина догоняет, входит, дверь закрывается – поехали. Не думайте, что водитель сделал это единственно по доброте сердечной. Доброта, конечно, присутствовала, но и 5 копеек лишними не бывают, на дороге не валяются. Во всяком случае, тогда. По крайней мере, в Тбилиси...

ДЕНЬГИ – ЗЛО, КОГДА ИХ МАЛО ИЛИ НЕТ СОВСЕМ

Через четыре года, выкроив из отпуска неделю, лечу к моим грузинам. Шота встречает меня в аэропорту. Лили с дочерьми (их уже было трое: вслед за Хатуной в положенный срок появились на свет Лела и Маико) гостит у свекрови в деревне Ланчхути, родине моего друга. Каждый вечер перед сном Шота подходил к висевшей на стене фотографии, на которой засняты жена и дочери, и, обращаясь к ним, тихо и горячо говорил по-грузински. Не сразу я догадался спросить, о чем он с ними беседует. Вот его ответ:

– Я им говорю: мои дорогие, любимые, скорее возвращайтесь, я без вас очень скучаю.

Как-то вечером я заметил (не от большого знанья, ума, да и выпито было немало):

– Любой мужчина, а уж

грузин – тем более, мечтает о сыне, а у тебя три девочки. Не обидно тебе?

Шота меня отрезвил одной фразой:

– Пускай хоть десять дочек, лишь бы живы были, здоровы и счастливы.

Похоже, я взял слишком серьезный тон. Исправлюсь, расскажу анекдот. Разумеется, грузинский. Они, после еврейских, самые остроумные. «Я так ду-у-умаю», – как говорил великий армянин Фрунзик Мкртчян в великом грузинском фильме «Не горюй!».

Гиви, задрав голову, под окнами роддома, кричит жене, стоящей у раскрытого окна:

– Нани, как твои дела? Ты родила уже?

– Все в порядке, родила, – отвечает Нани.

– Кого? Мальчика?

– Нет...

– А кого?!

Выходим с Шота из дома, идем в баню. Навстречу пожилой дядька. Шота с ним поздоровался, остановился, я же прошел вперед, чтобы не мешать беседе. Догнав меня, мой друг какое-то время шел молча, потом заговорил:

– Он тут недалеко живет,

Встреча двух эпох. Тбилиси. 1980-е гг.

Штурм троллейбуса

вверх по нашей улице. Недавно из тюрьмы вышел. Раньше на меховой фабрике завскладом работал. Мы с Лили хотели вступить в кооператив на квартиру, нужен был первый взнос – десять тысяч рублей, я к нему домой пришел, попросил займы, он говорит: «Деньги у меня есть, я тебе дам, но подожди, пока я соберу миллион рублей. Мечтаю увидеть миллион своими глазами, теперь уже недолго осталось». Потом на фабрику пришла ревизия, вскрыла у него недостачу, его посадили на пять лет, а все, что он насобирал, конфисковали. И знаешь, что он мне сейчас сказал? «Эх, Шота, какой же я был дурак, что не дал тебе тогда десять тысяч! Сейчас бы ты мне их вернул...»

Через площадь иду к станции метро «26 бакинских комиссаров». Посреди площади стоят и о чем-то громко спорят седой старик и парень лет не старше двадцати. Парень горячится, еще немного – и руки пустит в ход. Обхожу спорщиков стороной и слышу за спиной звук увесистой оплеухи: ну вот, думаю, молодой все-таки не сдержался; оглядываюсь – парень удаляется, прижав ладонь к щеке, а старик что-то гневное выкрикивает ему вслед. Рядом со мной, наблюдая эту сцену, остановился прохожий, у которого я спросил: «За что старик его ударил?» – «Этот молодой неуважительно с ним разговаривал, вот за что», – ответил прохожий...

...Поездом выбрались на три дня в Ланчхути. Двухэтажный деревянный дом, в котором Шота родился и рос до переезда в Тбилиси, строил еще его дед, сейчас в нем живет мать, 80-лет-

няя калбатано Бабинэ. Как в любом грузинском деревенском доме, первый этаж служит кухней с большой печью-камином, которую топят дровами; тут же – кладовки со всяким инвентарем, необходимым в крестьянском хозяйстве; второй этаж – спальный, туда не должны проникать запахи готовки и еды. Утром, проснувшись и позавтракав, мы вышли в сад собирать хурму и королек, который та же хурма, только мякоть у него сладкая, не так вяжет, цветом темная, почти коричневая. Урожай в тот год выдался обильный, и мы с Шота неплохо поработали, снимая его. Потом мне вздумалось размяться рубкой дров для камина. Я взял топор, выбрал несколько поленьев покрупнее и на здоровенном пне начал их раскалывать на чурки. Мое усердие прервала калбатано Бабинэ: подошла, отняла топор, что-то насмешливое сказала по-грузински. Шота, тут же стоявший, перевел:

– Моя мама говорит: зачем меня балуешь? Завтра уедешь – кто мне дрова колоть будет? Если ты такой заботливый, оставайся и живи здесь...

В 1983 году Хатуна, явившаяся на свет в памятный день 15 октября, окончила десятый класс.

Витас Луцкус. «Тбилисоба».

Фото из серии «Грузия. Тбилиси». 1981

Собралась поступать в Тбилисский пединститут на факультет русского языка, но родители не имели денег на «вступительный взнос», и мечту о высшем образовании для старшей дочери им пришлось отложить на неопределенный срок.

Осенью того же 1983 года мы с Заремой поехали в Крым, повидались с родственниками – ее и моими, потом взяли курс на Тбилиси, где нас ждали Гогуадзе.

Кратчайший путь из Крыма в Грузию вел тогда через абхазскую столицу Сухуми. Мы купили билеты на вечерний автобус до Тбилиси, уселись

на свои места, время отправления – 20.00, как сказано в расписании. Много мест в автобусе оставались не занятыми, водитель то и дело выбегал на площадь перед автовокзалом, чтобы вернуться с новым пассажиром. Так прошел час, второй, пошел третий. Местный народ, видно, был привычен к здешним порядкам, но все же не выдерживал и время от времени начинал роптать. Водитель имел верное средство для подавления бунта:

– Если сейчас же не замолчите – всех высажу и уеду в гараж.

И ропот стихал.

Тронулись в 1 час пополудни. Расстояние до Тбилиси, 440 километров, предстояло покрыть часов за 7-8. Измученные ожиданием пассажиры почти сразу уснули, а ко мне сон не идет. Я устался в ночное окно, пялюсь на роскошные особняки, стоявшие по обе стороны от шоссе, в нескольких сотнях метров друг от друга. Каждый в два этажа, каждый отделен от проезжей части чугунной литой оградой, с чугунными же воротами, от которых к дому вела широкая аллея с выстроившимися по обеим сторонам электрическими светильниками – их не меньше дюжины, и все включены, ярко освещая территорию перед домом. Свет горел и в первых этажах особняков, чего я, прибывший из мест, где принято экономить электроэнергию, «чтобы не нагорало лишнего», никак не мог понять. Наклоняюсь через

Шарманщик

Шота Гогуадзе с супругой Лили

проход к соседу-абхазцу, он тоже бодрствует:

– Объясните, уважаемый, к чему такая иллюминация, ведь ночь на дворе. И такие расходы сумасшедшие...

Сосед как будто ждал случая меня, чужака для здешних мест, просветить. Теперь уже он ко мне наклонился и, стараясь не тревожить спящих соседей, зашептал прямо на ухо:

– Пойми, дорогой, человек купил или построил дом, заплатил пятьсот тысяч рублей, а может, целый миллион, он хочет, чтобы это видели все, кто мимо проезжает. Сам подумай, зачем он будет на электричестве экономить?

– У вас тоже есть такой дом? – невинно интересуюсь, предвидя ответ. И получил его:

– Если бы у меня был такой дом, разве я сейчас ехал бы с тобой в автобусе?..

Оставшиеся километры до Тбилиси я тупо молчал.

Нам вдвоем с Заремой, хоть и не сразу, все же удалось уговорить Шота и Лили, чтобы привезли в следующем году Хатуну к нам во Фрунзе, где имелся такой же вуз, а мой хороший знакомый обещал «без особых подарков», то бишь, за пару коньяка, помочь с поступлением. Наконец, родительское согласие получено, можно делать следующий шаг. Прихожу по знакомому адресу в редакцию «Вечернего Тбилиси», кладу перед заведующей отделом писем три машинописные страницы с кратким описанием моей «грузинской эпопеи». Помня, как за 17 лет до этого охладила мой пыл сотрудница секретариата, на сей раз я настроен решительно. Зарисовка появилась в тбилисской «Вечерке» после нашего отъезда из Грузии.

Глава из книги воспоминаний
«Пока бьлем не поросло»

(Окончание следует)

Еркин КАСЕНОВ: «РУССКИЙ ТЕАТР АСТАНЫ ГОРДИТСЯ СВОИМ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕМ»

■ Владимир САРИШВИЛИ

Сразу по окончании видеомоста «Москва-Тбилиси», посвященного теме 170-летия Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова, мы разговорились с его участником – Заслуженным деятелем Республики Казахстан, директором и художественным руководителем одного из старейших театров Казахстана – Государственного Академического русского театра драмы им. М.Горького (Астана) Еркином Тлеугазиновичем Касеновым.

– Нашему русскому театру всего 115 лет, по сравнению с Грибоедовским он юноша, – не без юмора начал свой рассказ Еркин Касенов. – Основанный в 1899 году, наш театр вот уже второе столетие не теряет любви и популярности в зрительской среде.

– Как же все начиналось?

– Начиналось все со ста рублей, ассигнованных городской управой, и еще ста рублей, пожертвованных от щедрот своих купцом-меценатом Кубриным. На эти деньги в Акмолинске началось строительство предшественника нашего столичного театра. В то время желание играть на театральной сцене испытывали многие, недаром в городе насчитывалось несколько любительских театральных кружков. Когда же долгожданное здание для многочисленных любителей сценического искусства было наконец построено, началась летопись русского театра в Акмолинске.

Мы прошли значительные исторические вехи становления и развития. В начале XX века в городе начинает работать татарская труппа. Ставятся совместные спектакли. Силами казахской молодежи, известный писатель Сакен Сейфуллин ставит свои пьесы. Театр переживает гражданские войны, кочуя с места на места, и лишь в 30-40-е годы, после долгих испытаний и скитаний наш театр стал постепенно «наращивать му-

Еркин Касенов

скулы», избавляться от любительского статуса и приобрел новое здание, в котором мы работаем до сегодняшнего дня. Был укомплектован штат театра, появились педагоги по актерскому мастерству, сценической речи, истории искусства и других необходимых дисциплин, поставившие труппу театра на профессиональные рельсы.

Яркий след оставил в биографии нашего театра Илья Сермягин, возглавивший труппу им же отобранных и привезенных в Казахстан артистов. Этот коллектив заслужил у зрителя эпитет «звездный», и не случайно, поскольку завоевал ряд престижных наград как в самом Казахста-

не, так и за его пределами. Пик популярности театра в советскую эпоху пришелся на 1970-80-е годы.

– Какие же спектакли пользовались тогда особой зрительской любовью?

– Могу их назвать. Это – «Валентин и Валентина» М.Рощина, «Голубые олени» М.Коломийца, «Мамаша Кураж и ее дети» Б.Брехта, «Уступи место завтрашнему дню» по пьесе В.Дельмар – но список далеко не полный.

– В 1990-е годы Грибоедовский театр, благодаря изобретательности его директора Николая Свентицкого сумел выжить, комбинируя репертуарные спектакли с выездными, и выездные – с новогодними представлениями для детей. А как было у вас?

– А у нас было тоже тяжело. После развала СССР многие творческие люди, в том числе большая часть творческого коллектива театра эмигрировала на свою историческую родину.

Русский театр драмы в Астане

Творческая труппа была расформирована. В то время под руководством директора театра Валерия Тарасова и Николая Макарова и при содействии городских властей заново набиралась труппа, собранная по городам Казахстана, России и Киргизии. Но, несмотря на все трудности, эти годы стали для театра и весьма успешными. Именно тогда мы напали на «золотую жилу», обеспечившую постоянный зрительский интерес.

– А именно?

– А именно – театр начал постановки диаметрально противоположных и по жанру и по художественной направленности: «Верона» А.Шипенко, «Чингисхан» И.Оразбаева. Если «Верона» явилась «шоком» для хранителей традиций, то «Чингисхан» напомнил о годах минувших, о кровавых и страшных событиях. Стали более актуальными постановки исторических пьес – произведений национальной казахской драматургии.

В нынешнем году отмечается 550-летие Казахского ханства, и неудивителен интерес к таким историческим драмам как, например, «Томирис – царица сакская» Б.Жандарбекова. Этот спектакль – о молодой женщине, ставшей великой царицей. Идея Томирис о единстве и независимости народа привела к образованию

Казахского ханства. Еще одна историческая постановка – «Рано прозрел в поисках истины» (по роману М.Ауэзова «Путь Абая»)… «Хан Кене» М.Ауэзова – пьесы, премьеры которых состоялись еще в те самые 1990-е годы, сейчас словно бы заново востребованы, в связи с «круглой» исторической датой.

– Для таких постановок требуются соответствующие сценические масштабы...

– Да, на сцене, где можно разместить максимум 30-40 человек, «Чингисхана» точно не поставишь. Но мы решили вопрос сценического пространства. У нас, в театре имени Горького города Астаны под овации идут и «Борис Годунов» по А.Пушкину, и «Бесы» по Ф.Достоевскому... Планируем организовать фестиваль исторической драматургии.

В репертуаре нашего театра – более 20 спектаклей, не считая постановок для детей. «Взрослый» репертуар украшают имена классиков – У.Шекспира, К.Гольдони, А.Чехова, Л.Толстого, М.Булгакова, Т.Уильямса, и замечательно одаренных современников. На сегодняшний день возглавляет театр ваш покорный слуга, а главным режиссером является Заслуженный артист РК Бекпулат Парманов. Главная ролевая нагрузка – на любимцах наших театралов, актерах высшей категории – Наталье Косенко, Сергее Матвееве, Владимире Иваненко, Нине Дроботовой, Людмиле Крючковой...

Пьеса Анны Яблонской «Язычники» – подлинное украшение нашего репертуара. Не случайно критики писали, что в своем творчестве Анна Яблонская достигает «философских высот, редко являющихся в натуралистических опытах современной пьесы»; что ее «Язычники» занимают место в ряду большинства евразийских пьес, типичной чертой которых является философская настройка, обобщение документальной реальности в более плотных, архетипических образах».

– Какие у вас отношения с грузинским театральным миром?

– На протяжении девяти лет «Ханума» Авксентия Цагарели, является одним из любимых спектаклей астанинского зрителя. А грибоедовцев действительно приглашали несколько месяцев назад для участия в III Международном театральном фестивале «Сахнадан салем!», который проводится ежегодно, в рамках празднования дня столицы Астаны. Фестиваль уже принимал у себя Русский драматический театр Литвы (г.Вильнюс), Государственный Республиканский русский драматический театр им. М.Горького г. Махачкала (РФ, Дагестан). В этом году с большим успехом прошел у нас «Холстомер. История лошади» Л.Толстого в постановке Автандила Варсимашвили, с Валерием Харютченко в главной роли. Зрители нашего города получили истинное удовольствие от знакомства с этим спектаклем, ставшим настоящим украшением фестиваля.

Фестиваль по праву можно считать молодым, так как он проводится лишь в третий раз, но за эти годы театральное искусство Казахстана сумело заявить о себе на мировой театральной

Сцена из спектакля «Хаос»

Сцена из спектакля «Очень простая история»

Сцена из спектакля «Иванов»

арене. Конечно, хотелось бы расширить границы фестиваля, придавая ему более масштабную значимость, но уверен, достижение этой цели не за горами.

Мы и сами без устали гастролируем и стали лауреатами многих престижных театральных фестивалей.

В 2007 году столичный театр им. М.Горького вступил в Ассоциацию русских театров, созданную по инициативе Центра поддержки русских театров за рубежом при Союзе театральных деятелей Российской Федерации города Москвы. Из различных печатных и интернет-источников можно узнать, что коллектив с большим успехом гастролирует во многих городах Казахстана и России, а также участвует в престижных отечественных и зарубежных театральных фестивалях.

– Кому как не Еркину Касенову знать – в чем кроется успех руководимого вами театра?

– Театр всегда умел слышать и выражать время, «не кривил душой», подстраиваясь под те или иные приоритеты, надиктованные временами. Наши артисты демонстрируют необычайно привлекательный метод прочтения сценических образов, сочетая азарт и интеллект. При этом условности они «вычерчивают», не утомляя зрителя, и в то же время выразительно. А еще меня удивляет неиссякаемая творческая энергия всего театрального коллектива.

Мы стремимся вывести на сцену прототипы живых людей, а не марионеток с заранее заданными функциями, и главная задача – чтобы в этих психотипах зрители узнавали самих себя.

И конечно же, мы постоянно приглашаем знаменитых режиссеров ближнего и дальнего зарубежья, у которых всегда можно поучиться. Для театра это престижно, а для зрителей интересно многообразие творческих воззрений. В свое время мы начинали сотрудничество с Санкт-Петербургом и Москвой благодаря таким режиссерам, как А.Каневский, В.Тыкке, Л.Чигин, В.Бородин, Е.Геворкян и сегодня мы имеем возможность приглашать таких режиссеров как И.Вайткус (Литва), Н.Асанбеков (Кыргызстан), О.Абдурахманов (Узбекистан) и других мастеров.

Как и грибоедовцы, не забываем мы и о наших маленьких зрителях. Для них в репертуаре – 12 музыкальных сказок.

А в заключение хотелось бы сказать, что мы счастливы, что между нашими коллективами зародились дружеские отношения и искренне надеемся на успешное продолжение нашего сотрудничества. Это может быть гастрольный обмен, педагогический... Главное – не терять живые связи, и пока нам это удастся.

Огромное спасибо, организатору Конгресса господину Свентицкому, за организацию такого масштабного форума, благодаря которому мы приобрели друзей и коллег из русских театров 25 стран мира.

Павел Деревянко: «ХОЧУ БЫТЬ ЧЕСТНЫМ С СОБОЙ!»

■ Инна БЕЗИРГАНОВА

Павел Деревянко – один из наиболее ярких и необычных российских актеров, одинаково интересный как в своих театральных работах, так и в кино. Каждая его роль – это объем и глубина, это острый рисунок и парадоксальный ракурс. Тбилисцам посчастливилось увидеть Павла Деревянко в спектакле Андрона Кончаловского «Три сестры», представленного в рамках Тбилисского международного театрального фестиваля. Вскоре на телеэкран выходят очередные серии гротескового детектива «Обратная сторона Луны», в котором артист исполнил роль капитана милиции.

– Павел, часто возникает ощущение, что ваши странные герои существуют на грани реального и ирреального миров... Как вы сами считаете, откуда это?

– Вообще в профессии мне просто повезло. Хотя ничего не бывает просто так. Мне интересна сложная жизнь, сложносочиненные персонажи, человек вообще. Сам я, как говорят, из «простых». Но стараюсь оставаться простым, я приобрел мудрость, какие-то качества, которые могли бы отразиться на сцене или экране. Как какой-то интеллектуальный, духовный багаж. Как бэкграунд, второй план. Так я и двигался – к простоте-непростоте. На самом деле, хочется оставаться простым. Не забывать, кто ты есть, откуда взялся, откуда «ноги растут». Не отрываться от земли и в то же время развиваться. Я стал больше понимать и чувствовать человека. Но четкого ответа на вопрос – как это все происходило, каким образом у меня проявились эти качества – у меня нет. Я ведь обычный, ничего из себя не представляющий человек. Но если ты хочешь развиваться, если у тебя огромные амбиции – а они у меня есть, я очень много хочу сделать, – то, безусловно, ты не можешь не приобретать каких-то новых качеств, ощущений, не чувствовать других людей и себя самого. Самая лучшая черта, которая мне нравится в самом себе, – это, прежде всего, чи-

стота. Во мне дерьма нет, извините. И люди это чувствуют. Как будто мы знакомы уже давным-давно. И никак не может этому поверить. Ты сейчас смотришь на меня и думаешь: так и есть! Так что расслабься, ни о чем не думай, и все будет хорошо. Вот эти выстроенные стеночки, лед – все это лишнее. Если мы общаемся и нам интересно, то больше ничего и не нужно. Вот такие у меня особенности. Это было и раньше во мне. Очень много Чехов мне дал в интерпретации режиссера Андрона Сергеевича Кончаловского. Это я понял, когда несколько лет назад мы выпустили «Трех сестер» и я вдруг осознал, что изменился. Я понял, что все мы грешные, все мы непростые и все мы слабые. Каждый из нас... И я прощаю человеку его слабости, комплексы, маски. Стараюсь просто не обращать на это внимание. Потому что знаю: во мне самом есть эти слабости, комплексы и недостатки... возможно, другие. Я не хуже и не лучше. Все мы в этом смысле одинаковые. С помощью масок или... странностей это сделать невозможно: мы от себя отдаляемся. Я это давно, наверное, понял. Словом, моя задача – прийти к себе. Ведь на самом деле я просто хочу быть счастливым – вот и все. И хочу развиваться дальше.

– А что нового вы открыли в самом себе в последнее время?

– Осознаю опять-таки свои слабости. Пытаюсь с ними жить. Ничего нового я про себя не узнал, потому что для этого нужны какие-то испытания, новые обстоятельства жизни, которые заставят тебя как-то поступать, действовать. Таких обстоятельств не было.

– Но ведь каждая новая роль – это тоже испытание и тоже новое обстоятельство.

– Мне интересен человек во всех своих проявлениях, я изучаю все тонкости, технику жизни, технику поведения человека. Хочу алгеброй гармонии поверить. Из чего она состоит? Вот это я

Павел Деревянко в фильме «Ехали два шофера»

и пытаюсь развивать в себе. А через это у меня и получаются персонажи разные. Я в себе чувствую все эти начала – и плохое, и хорошее, и божественное, и ужасное. Я давно все это в себе увидел и уже давно пытаюсь быть честным с собой. Так у меня и получается. Вот с этой честностью и живу. И она мне помогает. Это основное правило, которое я задал себе, как вектор жизненного поведения, еще учась в институте – в 1997-98 гг., я понял, как мне жить и развиваться дальше. С тех пор ничего не изменилось, к счастью, я никуда не ушел слишком в сторону. Человек слаб, как мы знаем, а вокруг творческого человека много соблазнов и страстей, которые уводят от цели. Я понимал уже тогда, что правда где-то посередине. И это место – посередине – самое близкое к объективности. Но чтобы держаться центра, нужно узнать, так сказать, края. Я их узнавал и познавал, и узнаю до сих пор. Но у меня есть ангел-хранитель, который уже окреп и сидит у меня на плече. Он мне помогал и сейчас помогает, и я его не подводил и не подвожу.

– Значит, познавая, как вы говорите, края, вы не слишком сильно отклонялись от курса?

– Не слишком сильно отклонялся, не запудривал себе мозги. Слава богу, у меня не было невероятных звездных взлетов. Конечно, твое эго хочет, чтобы было все и сразу. К примеру, в

фильме «Девятая рота» я должен был играть одну из главных ролей вместо Алексея Чадова. Все шло к этому, но...

– Расскажите, пожалуйста, о годах учебы в театральном. Это был трудный для вас период?

– На первом курсе я был самым худшим, меня вообще никто не воспринимал всерьез. Я не знаю, как меня не выгнали. Конечно, я ничего из себя не представлял. Чуть-чуть обаятельный простачок, откровенный – таким и остался до сих пор. То, что я очень берегу в себе. Я много приобретаю, но это самое ценное. То, что раньше считал своей слабостью, – мягкий характер, например, – позднее я стал осознавать как мое оружие, мою громадную силу. Это – природные качества.

– А у вас действительно мягкий характер?

– Да. Повторяю, слава Богу, что у меня не было больших взлетов и падений. Никто меня не предавал, я не терял близких и не очерствел. Доверял и продолжаю доверять людям. Правда, не так, как раньше. Отдавая себе отчет во многих вещах, которые со мной и рядом со мной происходят.

– То есть, вы смотрите немало со стороны на то, что с вами происходит?

– Это абсолютно точно. Я понимал, что объективность – это не только моя правда. Как минимум, есть еще другая правда – твоего оппонента. А ведь

может быть еще какая-то третья, четвертая... правда. Актер Михаил Чехов писал, что когда он существует в образе Ричарда III, то кричит, безумствует, плачет, но в это же время наблюдает себя со стороны. И у меня так же сейчас. Находясь в определенной ситуации, могу видеть все со стороны. Это дает мне очень-очень много. Не веду какой-то спор, не кричу: «Я прав!» Потому что знаю: все это бессмысленно и бесполезно! Каждый прав по-своему. Это и есть стремление к объективности. Вначале многое было у меня в зачатке, а позднее я смог это в себе развить.

– Какие роли помогли вам почувствовать, осознать себя актером?

– Огромную роль в моей жизни сыграло везение. Мне очень сильно везло на хороших людей, друзей. Вокруг меня всегда были интересные личности, я до сих пор их встречаю, и это счастье. Хорошие режиссеры, хорошие роли. Последние пять-шесть лет практически каждая моя работа на вырост. Вот сыграл Астрова в «Дяде Ване», Тузенбаха – в «Трех сестрах». Я знал, что не смогу сделать барона как такового. Ну какой я к черту барон? Но получилось, по-моему, неплохо... Хотя по рождению я из рабоче-крестьянской семьи. К сожалению, не много читал, и у меня есть серьезные пробелы в образовании.

– А сейчас много читаете, стараетесь наверстать упущенное?

– Читаю, но не так много, как хотелось бы. Мне не хватает времени. Есть какие-то привычки. Это ужасно, по этому поводу я комплексую. Но что есть – то есть. Что касается роли, которая помогла мне почувствовать себя актером, то могу назвать «Обратную сторону Луны» – сериал, идущий по Первому каналу Российского телевидения. Я играю опера, который гоняется за маньяком. Его сбивает машина, он попадает в 1979 год, в тело своего отца, тоже опера, проживает его жизнь, в настоящем находясь в коме. В итоге сходит с ума. Тяжелейшая работа – она «весит» для меня несколько тонн. Каким способом

показать, как человек сходит с ума? Вроде бы мне этого удалось добиться...

– **На мой взгляд, фантастический реализм – способ, природа вашего актерского существования. Вы согласны с таким определением?**

– Фантастический реализм? Это прекрасно. Но сначала реализм – это первый план, а потом уже прочитывается «фантастический». Самое интересное для меня в профессии – быть органичным, как природа. Как вода, как трава. Чтобы не было никаких вещей, за которые цепляется глаз. У нас, актеров, это преобладает – когда ты видишь зазоры между актером и ролью. Умозрительно можешь что-то представлять, но нет целостного впечатления. Наши образчики – старые, прекрасные, гениальные звезды советского времени. Веришь абсолютно всему. Как сейчас – голливудские звезды. Смотришь историю – и сопереживаешь актеру, актерам. Реализм фантастический? Не знаю. Но я к этому стремлюсь. Как я могу сформулировать то, чего добиваюсь? Это когда люди смотрят магию и не могут в это поверить, и ни о чем другом не могут думать. Вот это мне очень интересно – взять и украсть внимание у зрителей. Что это значит? Реализм, без швов, плюс какой-то... «фантастический» объем.

– **Вы сказали, что у вас очень большие амбиции. В чем они заключаются?**

– В чем заключаются амбиции? Раствориться в воздухе – как солнце. Чем я больше развиваюсь, тем больше понимаю, что нет предела совершенству. Если вы у меня спросите, что бы я хотел сыграть, что самое сложное? Божественную суть передать – вот что! Потому что ее невозможно сыграть. Ты должен ею быть. Магия должна быть.

– **А вы, обладая качествами психологического воздействия, иногда не пользуетесь этим в общении с людьми?**

– Ну, конечно, пользуюсь. Есть одно качество, которое я в себе развил: человеку, который только знакомится со мной, кажется, что мы общаемся уже много-много лет. Конечно,

я этим пользуюсь. Но не плохому.

– **В фильме «Великая», сравнительно недавно показанном по телевидению, вы сыграли Петра III. Это личность, во многом неразгаданная. Чем вам была интересна эта роль?**

– Мне очень-очень понравилось сниматься в этой картине. Просто с точки зрения профессии. Он был немец, и мне нужно было проделать очень большую работу, чтобы это сыграть. Хорошо, что у меня есть Тузенбах, который положил начало моему легкому существованию в роли.

– **Тузенбах – тоже немец...**

– Кстати, да. Для роли Петра III я долгое время изучал немецкий акцент, взял несколько уроков игры на скрипке. Это была тяжелая работа. Прежде всего, для режиссера. Потому что это сложносочиненная история. В фильме Екатерину сыграла Юлия Снигирь. Я понимал, насколько ей сложно. Что я могу сказать о Петре? Меня очень вдохновила его история. И вдохновило наше совместное творчество с режиссером картины Игорем Зайцевым. В сценарии мой герой был выписан как антипод Екатерины Великой. То есть, идиот, болван, пьяница. Игорю Зайцеву это не нравилось, и он мою роль немного переписал. Но в целом все оставалось по-прежнему. И когда мы приступили к работе, Игорь снимал так, как мог: насколько я вдохновляюсь сам и вдохновляю его. И акценты потихоньку смещались. Из полного дурака и ничтожества Петр III стал даже интересным человеком, каким он отчасти и был на самом деле. За полгода своего правления он выпустил 170 манифестов, законов, многие из которых опережали свое время.

– **Ваш творческий взлет связан с именем театрального режиссера Нины Чусовой. Расскажите об этом.**

– К Нине, к моей однокурснице, я испытываю острое чувство благодарности. Я считаю, что она сделала меня. Грубо говоря, из простого провинциального парнишки, каким я был в 20 лет, но с сознанием четырнадцатилетнего, она сделала

абсолютного актера-неврастеника. И она определила путь моего развития. Как Бог положил.

– **Крестная мама?**

– Да, абсолютно, и я ей безумно благодарен. А я крестный ее среднего сыночка – у нее трое детей.

– **Иногда Нину Чусову обвиняют в поверхностности.**

– Никто из нас не идеален. А мне интересен феномен бабочки. Почему некоторые люди очень быстро испаряются? Музыканты, режиссеры, актеры? А кто-то через всю жизнь пронесет свой талант, он у них трансформируется, но не исчезает, не притупляется, не делается банальным. Мне вот это безумно интересно! Как оставаться адекватным по отношению к себе, своему времени, пространству, другим людям? Я это тоже изучаю.

– **Не боитесь в какой-то момент стать не востребова-**

ным?

– Пока до этого далеко. Я не вижу над собой потолка и честен с собой. Каждая моя очередная роль – это нечто новое.

– **Значит, вы можете практически все?**

– Это нескромно говорить о себе, но я чувствую в себе силы огромные. Чувствую, что могу очень много сделать. Хочу сыграть в комедии – любой. Эксцентричной, физиологической, с тонким юмором. Я все это чувствую. Я чувствую жанр. Последние пару лет я стал чувствовать жанр. Это какая-то фантастика, когда ты понимаешь, что свою профессию держишь в руках. Я себя считаю большим пультом с множеством кнопок. Есть режиссеры, которым я доверяю. Говорю: «Дорогой мой человек, у тебя в руках палитра. Давай, я тебе верю, мы сейчас сможем сделать потрясающие вещи!» Первый раз я это сказал Валерию Петровичу Тодоровскому: «У тебя в руках суперинструмент!» В его фильме «Оттепель» тоже новая для меня работа – очень сложно было попасть в жанр «на грани».

– **Часто отказываетесь от ролей?**

– Конечно. Хотя могу 555 дней в году работать.

Здесь Михаил Ипполитов-Иванов остановился, приехав в Тифлис

«Я трогаю старые стены...» Тифлис: удивительные встречи

■ Владимир ГОЛОВИН

В середине октября 1882 года в тифлисской гостинице «Кавказ» на Эриванской площади поселяется приехавший из Санкт-Петербурга молодой человек. Почти через сто десять лет здание этой гостиницы исчезнет, оказавшись в эпицентре пятнадцатидневной «тбилисской войны». На нынешней площади Свободы его место занимает роскошный отель Courtyard by Marriott Tbilisi. А в конце девятнадцатого века гостиница «Кавказ» тоже была одной из лучших в грузинской столице, «прекрасно оборудованная на европейский образец», как отмечает приезжий. Ему двадцать два года, зовут его Михаил Михайлович, в гатчинском детстве и петербургской юности он носил фамилию Иванов (с ударением на первом слоге, как у чеховского героя). А потом сделал к ней добавку

«Ипполитов» — в память о том, как, учась в музыкальном классе для малолетних певчих при Исаакиевском соборе, жил под опекой старшей сестры Марии, в замужестве — Ипполитовой. В Грузию он приехал после окончания столичной консерватории, говоря современным языком, «по распределению». И за одиннадцать лет работы в Тифлисе сумел больше, чем кто-либо, сделать для сближения грузинской и русской музыкальных культур.

С Грузией он заочно знакомится еще до появления на Кавказе, о котором «так давно мечтал». В 1875-м вместе с ним в Петербургскую консерваторию поступает сын богатого тифлисского коммерсанта Константин Алиханов. Он старше Михаила на десять лет и уже успел окончить юридический факультет столичного университета, что не

помешало ему в дальнейшем успешно сочетать коммерцию с общественно-музыкальной деятельностью. Ипполитов-Иванов вспоминает о своем первом тифлисском друге: «С ним я очень подружился и часто помогал ему по теории... был очень трудолюбив, настойчив и этим многого достигал, так как очень любил музыку... Своими рассказами о Кавказе, Тифлисе и Военно-грузинской дороге он привил мне любовь к кавказской природе и интерес к обычаям горцев, к их песням, так что, когда я получил предложение поехать в Тифлис, то ни минуты не колебался и принял предложение».

Еще один друг, много рассказывающий о Грузии, появляется в последние годы обучения в консерваторском классе практического сочинения (понынешнему — композиторского отделения): «Я также подружил-

М.Ипполитов-Иванов перед окончанием консерватории

ся с талантливым пианистом и композитором, кавказцем Г.О. Коргановым». Уточним: будущий пианист и композитор Генарий Корганов из грузинского города Кварели. Вспоминает Михаил Михайлович и живших Петербурге тифлисцев Придоновых, Андрониковых, Халатовых, Завриевых, которым «часто помогал в устройстве вечеров в пользу грузинских студентов, и совсем вошел в их среду».

А непосредственно на берегах Куры он появляется, можно сказать, с благословения... императорской семьи. «По окончании акта (выпускной церемонии – **В.Г.**), президент Музыкального общества обратился ко мне с вопросом: «Что я думаю делать?», – вспоминает Ипполитов-Иванов. И тут стоит присмотреться к тому человеку, с которым он беседует. С 1869 года Российское музыкальное общество (РМО) возглавлял один из членов царствующей фамилии. В его обязанности входило следить за музыкальной жизнью всей империи, он являлся высшим музыкальным авторитетом в стране. В 1882 году это пост занимает внук Николая I великий князь Константин Константинович, как нельзя более подходящий для такой должности. Под псевдонимом «К.Р.» он вошел в историю русской поэзии, Афанасий Фет доверял ему правку своих стихов. И музыке он был далеко не чужд: написал романсы на стихи Виктора Гюго, Алексея Толстого и Аполлона Майкова, а

Петр Чайковский создал на его тексты романсы, самый известный из которых – «Растворил я окно...».

И еще одна интересная деталь: Константин Константинович – шеф Тифлисского гренадерского полка. Может быть, поэтому он столь благосклонно реагирует на слова Михаила о «намерении проехать на Кавказ и побывать в Тифлисе». Великий князь заявляет: «Ну, вот и прекрасно. Предложи администрации Музыкальной школы в Тифлисе открыть отделение Музыкального общества. Они неоднократно просили, но у них нет людей, чтобы вести это дело». Ипполитов-Иванов признавался, что не думал надолго оставаться в Тифлисе, он соглашается и вскоре получает от Главной дирекции РМО «официальное поручение отправиться в Тифлис». Резюме, которым заканчивается этот этап его жизни: «Так судьба направила мой жизненный путь».

Как и всех остальных деятелей русской культуры, побывавших в Грузии, уже сама дорога в столицу приводит Михаила в восхищение: «Я мог в полной мере насладиться дикой красотой Дарьяльского ущелья, вначале, а затем южным склоном после перевала, этим вечно зеленым, цветущим садом благодатной Грузии. Начиная от станции Млеты, дорога идет среди роскошной природы юга, живописных развалин сторожевых башен и уютящихся по склонам гор аулов. Здесь я впервые воспринял первые впечатления Кавказа, которые впоследствии попробовал воплотить в звуки».

В Тифлисе он сразу отправляется разыскивать Генария Корганова. Встретившись и «выработавши план действий», они, первым делом, «побывали в серных банях, на могиле Гибоедова на горе св. Давида, откуда открывается очаровательный вид на весь Тифлис». А уж потом отправились в Музыкальную школу. Что ж, это вполне понятно: и сегодня большинство впервые приехавших в Тбилиси сразу же отправляется именно по этому «маршруту». Ну, а Музыкальная школа уже не только для души, это еще и работа. До ее начала – знакомство с тем,

как развивалось музыкальное образование Тифлиса. Первый в этом городе учитель игры на фортепиано, выпускник Венской консерватории Эдуард Эпштейн рассказывает приезжему о том, что было до его появления. Прислушаемся и мы к этому рассказу – профессионал ведет речь о страницах тбилисской истории.

Итак: «Музыкальная жизнь в Тифлисе в конце 50-х и в начале 60-х годов была в зачаточном состоянии... На весь город... было всего два рояля, и уроки происходили коллективно: несколько семейств, по соглашению с владельцами роялей, соборно приглашали учителя, который и отправлялся куда-нибудь на окраину города на целый день, а иногда и на неделю, а затем в центр, где он имел постоянное пребывание... Вместе с тем Тифлис уже имел оперный, небольшой, но очень изящной архитектуры театр, сгоревший в 1874 г., и превосходную труппу итальянской оперы».

Что ж, в отношении размеров театра в караван-сарай Тамашева рассказчик явно ошибается. Но примечательно, что именно в год гибели этого театра в огне, в городе появляются бесплатные хоровые классы, а затем – ученический этнографический хор, дебют которого в апреле 1874-го Ипполитов-Иванов считает «днем основания первой музыкальной школы на Кавказе». Создатель всего это – баритон Харлампий Саванели – из первого набора Петербургской консерватории, окончивший ее вместе с Чайковским. То, что

Варвара Зарудная

**М.Ипполитов-Иванов с ученицами
Тифлисской музыкальной школы**

произошло дальше, уточняет Михаил Михайлович: «К хору были прибавлены классы фортепиано, а затем скрипки, сольного пения и теоретические предметы, и скромные курсы превратились в хорошо организованную школу. Школа постепенно приобрела вид настоящего учебного заведения; своей деятельностью она обратила внимание петербургской главной дирекции Музыкального общества и, пройдя все стадии развития, превратилась в учреждение большого государственного значения».

Именно к основателям этой школы и командировали Ипполитова-Иванова. В первый же день появления в Тифлисе, сразу после экскурсии по городу, он навещает Алиханова «как главного в то время руководителя школы». И торжественно вручает своему товарищу официальный документ – предложение Главной дирекции РМО открыть в Тифлисе отделение этого общества. В ответ ему сообщают приятную весть: в грузинской столице в меценатах недостатка нет – «вокруг школы образовался кружок сочувствующих развитию школы лиц, которые собрали порядочную сумму денег путем добровольных пожертвований, обзавелись имуществом и таким путем органически слились со школой».

Поэтому решается немедленно создать «общее собрание всех жертвователей и обсудить предложение главной дирекции». Сказано – сделано. И собрание, объединившее покровителей муз с профессионалами музыки, постановляет: «Признать открытие отделения Музыкального общества желательным, о чем возбудить ходатайство перед главной дирекцией, избрать первый состав местной дирекции и просить об его утверждении, передав все имеющееся имущество и денежные суммы в ведение Музыкального общества». На все формальности уходит около двух с половиной месяцев. За этот срок Ипполитов-Иванов успевает дебютировать в роли дирижера – на концерте в честь 25-летия педагогической и исполнительской деятельности того самого Эпштейна, который знакомил его с музыкальным образованием в Тифли-

се. Пока идет «осуществление всех необходимых формальностей, т.е. составление актов, протоколов, постановлений, описей имущества и денежных средств», Михаил Михайлович начинает читать лекции, которые «прошли очень удачно, заинтересовали общество и привлекли новых членов для отделения и новых учащихся для школы».

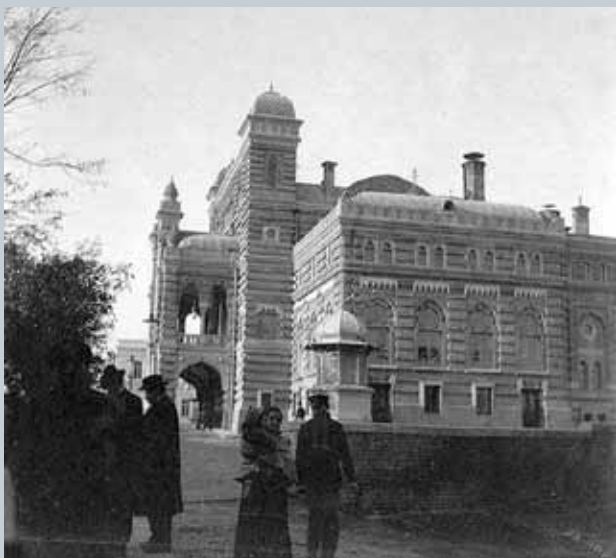
Не проходит и года после приезда Михаила, как появляется Тифлисское отделение РМО. В первый состав дирекции входят известный меценат, «фанатично преданный оперному делу» Исая Питоев, возглавивший административно-хозяйственную часть Корганов, а также Саванели, пианист Алоизий Мизандари и Алиханов. В ведение отделения переходят музыкальные классы (так переименована музыкальная школа), их директором и дирижером симфонических концертов назначается Ипполитов-Иванов. Первые шаги в Тифлисе сделаны весьма успешно.

Всю весну 1883-го идет тщательный подбор квалифицированных педагогов. А летом складывается и личная жизнь – Михаил привозит из России жену, певицу Варвару Зарудную, которую знает еще по консерватории, и у родителей которой не раз отдыхал в их украинском имении. Место в Тифлисе находится и для нее: «Я – в училище, она – в оперную труппу казенного театра». Впрочем, можно сказать, что в тогдашнем Казенном, ныне – Оперном театре супруги становятся коллегами: Михаил через десять месяцев жизни в Тифлисе уже работает там дирижером. До этого театр предоставляли частной антрепризе: на год выделялась 30-тысячная субсидия, и антрепренер сам набирал труппу, составлял репертуар, вел хозяйство. Назначенный государством директор в эти дела не вмешивался, а только следил, чтобы антрепренер выполнял все обязательства. Но потом все меняется:

«Взявши в свои руки казенный театр, Питоев прежде всего обратил внимание властей на необходимость пропаганды русских опер, которых Тифлис совершенно не знал, за исключением

М.Ипполитов-Иванов в Тифлисе. Середина 1880-х гг.

Казенный театр

«Русалки», оперы Даргомыжского, поставленной антрепренером Пальмом, тогда как в это время уже существовали оперы Чайковского, Римского-Корсакова, Мусоргского, Кюи и других авторов. «Высшее» Тифлисское общество, воспитанное на итальянской кантатине, встретило враждебно его попытки перевоспитать их вкусы. Но Иван Егорович был упрям и поклялся, что он заставит тифлисцев полюбить Чайковского... Упорно решил ставить еженедельно по четвергам «Онегина», пока публика его не оценит по достоинству, и такое двухстороннее упорство продолжалось в течение всего сезона».

В «перевоспитании» тифлисской публики Питову активно помогает Ипполитов-Иванов, работать ему приходится «на два фронта». В течение шести лет с утра он – в училище, затем – репетиция с оркестром в театре, после обеда – снова уроки в училище, а вечером – спектакль в театре... Вы, конечно, обратили внимание на то, что речь идет об училище. Да, именно оно с 1886 года готовит музыкантов и певцов в столице Грузии. У него, в отличие от «бесправных музыкальных классов», есть утвержденный правительством устав, субсидия в пять тысяч рублей и подробнейший учебный план, тщательно разработанный директором Ипполитовым-Ивановым. В дальнейшем этот документ, составленный в Тифлисе для «единственного рассадника систематического музыкального образования на Кавказе», станет основой для всех музыкальных училищ Российской империи.

Результат не заставляет себя ждать. «Дружная работа всего педагогического персонала, – с вполне законной гордостью вспоминал Михаил Михайлович, – быстро завоевала нам полное доверие местного общества, и число учащихся быстро стало увеличиваться». При училище создаются хор, небольшой оркестр, и это позволяет ученикам давать симфонические концерты. А музыкальные камерные вечера училища становятся модными в городе и собирают массу слушателей, благодаря специально сформированному струнному квартету. Собственными силами учащихся даже полностью ставится опера Моцарта «Женитьба Фигаро». Многие выпускники училища оканчивают Москов-

скую консерваторию и возвращаются работать на родину. Среди них достаточно назвать классика грузинской музыки Захария Палиашвили... А еще, даже не окончив учебы, юноши и девушки из музыкального училища стали появляться на сцене Оперного театра – Ипполитов-Иванов отлично знал, кто из его воспитанников на что способен.

То, что Михаил Михайлович одновременно возглавляет и училище, и оперный оркестр, очень облегчает его «многостаночный» труд: «Такое объединение музыкальных сил давало мне возможность свободно распоряжаться временем для репетиций и подбором исполнителей – в этом отношении никто не вставлял мне палок в колеса, и дело быстро развивалось». В итоге ему есть, чем гордиться: «За три года из жалкого провинциального полуграмотного оркестра образовался сплоченный, дружный, художественный ансамбль, ко-

Петр Чайковский с преподавателями музыкального училища. Сидят: В.Зарудная, Э.Эпштейн. Справа стоит М.Ипполитов-Иванов. Тифлис

торый заслужил одобрение требовательного П.И. Чайковского. Создание постоянного оркестра послужило началом дальнейшего развития художественной жизни в Тифлисе. Тифлис уже не являлся заброшенным уголком, отрезанным от культурного мира, а стал притягательной силой для артистов первого ранга; туда все чаще и чаще стали заглядывать крупные артисты с мировыми именами, и публика научилась разбираться в ценности того или другого артиста».

Стараясь «заинтересовать учащихся теоретическим анализом их народных песен», он обращает внимание на то, что исследований грузинского музыкального фольклора практически нет – «существовал единственный сборник в дилетантском, примитивном переложении для фортепиано... в который вошли мелодии грузинские, армянские и татарские, без обозначения национальностей». Так что при всей своей загруженности, он «никогда не оставлял мысли о собирании народных грузинских

песен и танцев и ждал только удобного случая, чтобы двинуться в недра Кахетии, в Алазанскую долину». Такой случай представляется, когда государственная казна решает купить знаменитое циндальское имение князей Чавчавадзе и отправляет туда комиссию. Входящий в нее инженер-технолог Александр Бахметьев приглашает в эту поездку Ипполитова-Иванова. Тот в восторге: «Время было самое подходящее, октябрь месяц, сбор винограда, — особенно обильное по количеству исполняемых песен, затем возможность посетить самые отдаленные уголки Кахетии, — все это было так соблазнительно, что я не задумывался ни минуты и немедленно присоединился к их компании».

Комиссия создает штаб-квартиру в Телави и оттуда выезжает в Циндалли, Сигнахи, Энисели, пересекает всю Алазанскую долину... У Михаила Михайловича взгляд не только туриста, но и музыканта. Когда он видит, как давят виноград, его поражает «монотонное пение рабочих, прерываемое иногда яркими взрывами бойких оригинальных ритмов и неожиданных гармонических оборотов». Он не просто записывает мелодии, но и использует их в дальнейшем в своих работах. Больше всего его пленяет женское исполнение заздравной песни «Мравалджамиер», она даже входит в его оперу «Измена». А вернувшись в Тифлис «после этой очаровательной поездки», он пополняет начатый в Кахети сборник грузинских песен с помощью Саванели. Тот «отыскивал где-то в недрах Тифлиса старых сазандари, знатоков старинных мелодий, приглашал их к себе, и мы там упивались с ним прелестью и оригинальностью мелодического и гармонического строения их песен».

Не обходится и без примечательных казусов. Вот молодой сазандари поет им грузинскую песню на... мотив арии Жермона «Возвратись в Прованс родной» из «Травиаты». И потом долго спорит, не признавая, что музыка заимствована. Где он услышал эту мелодию, так и остается неизвестным. А вот мальчик-грузин напевает... Первый квартет Бетховена, опять-таки, на грузинские слова. Здесь все ясно: он часто слышал эту мелодию от соседей — театральных музыкантов... Смех — смехом, а истинно народные песни поражают Ипполитова-Иванова «своей эпической красотой, спокойствием и законченностью мелодического склада, например песня царевны Кетеваны, в которой она оплакивает свою родину, или причудливо-капризный ритм песни «Чематаво», полный изящества и необыкновенной грации, или обаятельная колыбельная песня «Иавнана»...

Результатом того, что ему «первому из музыкантов посчастливилось проникнуть вглубь Кахетии — в сердце Грузии — и записать из первоисточника эти культурные ценности», становится изданный им уже в Москве научный труд «Грузинская народная песня и ее современное состояние». Он — для профессионалов. А для всех остальных — такое откровение об этих песнях: «Записывая их, я испытал чувство археолога, раскапывающего доисторический курган... Невольно приходилось удивляться, каким образом

Константин Алиханов

относительно маленький по численности народ, как грузины, переживший ряд исторических катастроф, сохранил в своих недрах столько памятников самобытной культуры, несмотря на непрерывные вековые войны за свою независимость... В грузинских песнях меня всегда особенно поражало необыкновенное ритмическое разнообразие и необыкновенное изящество ритмического узора...

Как видим, всей своей многогранной деятельностью в Грузии, Ипполитов-Иванов берет на себя роль звена, связующего ее культуру с культурой России. И огромное значение для этого имеет его общение с приезжающими в Тифлис знаменитыми россиянами. В первую очередь, с композитором Петром Чайковским, пять раз навещавшим служившего в Тифлисе брата. Михаил Михайлович при каждом появлении композитора с 1886 по 1890 годы встречается с Петром Ильичом, с которым познакомился в Петербурге. Естественно, он — среди тех, кто уговаривает Чайковского приехать в Грузию.

В первый же приезд дирекция местного музыкального общества решает организовать симфонический концерт из произведений дорогого гостя, а в день его рождения возобновить в Оперном театре его оперу «Мазепа». Подготовка и того, и другого ложится на плечи Ипполитова-Иванова, и все намеченное проходит с блеском. При этом дирижер еще и поучаствовал в доставке из Кутаиси целого вагона ландышей, которыми украсили ложу Чайковского. А постановка «Мазепы», по словам Михаила Михайловича, «послужила началом сближения с Петром Ильичом, перешедшего затем в теплую дружбу». В тот приезд они много говорят о музыкальном образовании в России и за границей, и собеседник композитора признает: «Беседы с ним были для меня настоящим откровением, ввиду принятой мной на себя большой, ответственной задачи».

А в 1990-м Чайковский приезжает уже как дирижер, и оркестр, которым руководит Иппо-

литов-Иванов, блестяще сдает «экзамен»: «Весь концерт прошел в бесконечных овациях любимому композитору и дирижеру; оркестром он остался очень доволен, и я торжествовал, так как все его комплименты в отношении оркестра косвенно относились и ко мне». Они постоянно общаются, семья Михаила Михайловича часто принимает к завтраку и обеду Петра Ильича, которому очень нравится пение Варвары Зарудной. А еще он даже делится с тифлисским другом своими финансовыми делами. Часто встречаются они и когда Ипполитов-Иванов, постоянно сообщаящий Чайковскому о том, как в Грузии исполняются его произведения, приезжает в Москву. И именно ему композитор адресует письмо с просьбой помочь еще раз выступить в Тифлисе. Увы, реализовать этот, говоря по-современному, «проект» так и не удается...

Много времени проводит Ипполитов-Иванов и с драматургом Александром Островским в 1883 году. Тем более что тот женат на сестре Александра Бахметьева, с которым Михаил Михайлович подружился во время поездки по Кахети. Разница в возрасте между драматургом и дирижером – тридцать шесть лет, но оказывается, что поговорить им есть о чем: «Идя к нему со страхом и трепетом, думал о том, как я буду говорить с ним... Но страхи и опасения мои были напрасны, я сразу попал в атмосферу приветов и ласки; через несколько минут я уже говорил с ним, как со старым другом, с которым давно не видался и который участливо входит во все мои планы и намерения». В первую очередь, они обсуждают планы Ипполитова-Иванова о создании оперы «Руфь»: «Александр Николаевич очень милостиво отнесся к поэтической стороне работы, и жестоко раскритиковал сценическую. Он посоветовал оживить сценарий... но никогда и ничего не делал наполовину, поэтому, не откладывая, сейчас же приступил к совместному со мной обсуждению деталей новой картины. Через два часа я ушел от него ликующий с совершенно законченной сценой в кармане». Он встречаются еще и еще, беседы касаются «больше всего вопросов искусства», обсуждается вторая опера, задуманная дирижером, драматург с восхищением знакомится с записями грузинских народных песен. Последняя их встреча – в Москве, куда Ипполитов-Иванов приехал по делам тифлисского театра, за несколько месяцев до смерти Островского.

А время неумолимо идет, и Михаил Михайлович осознает, что он уже «перерос» музыкальную провинцию. Пусть даже такую передовую, как Тифлис, в котором его положение «было заманчиво»: «Я стал серьезно подумывать о перемине Тифлиса на Москву. Последняя поездка в столицу меня окончательно укрепила в необходимости этого шага, и я стал готовить себе почетное отступление. Как бы я ни был привязан к Тифлису, к училищу, к учащимся и к друзьям, – но стремление к свету, к художественному центру было неудержимо, и после долгих разговоров с Чайковским решение было принято окончательно, и план действий выработан. Выступая в Москве 1887 и 1889гг. как дирижер и компо-

зитор, я достаточно зарекомендовал себя перед московской публикой и таким образом до некоторой степени подготовил переезд... Дела Музыкального общества в Тифлисе, а с ним и училища, окончательно упрочились, и за дальнейшее их существование я был совершенно спокоен». К тому же, Московская консерватория хочет видеть его с женой своими профессорами...

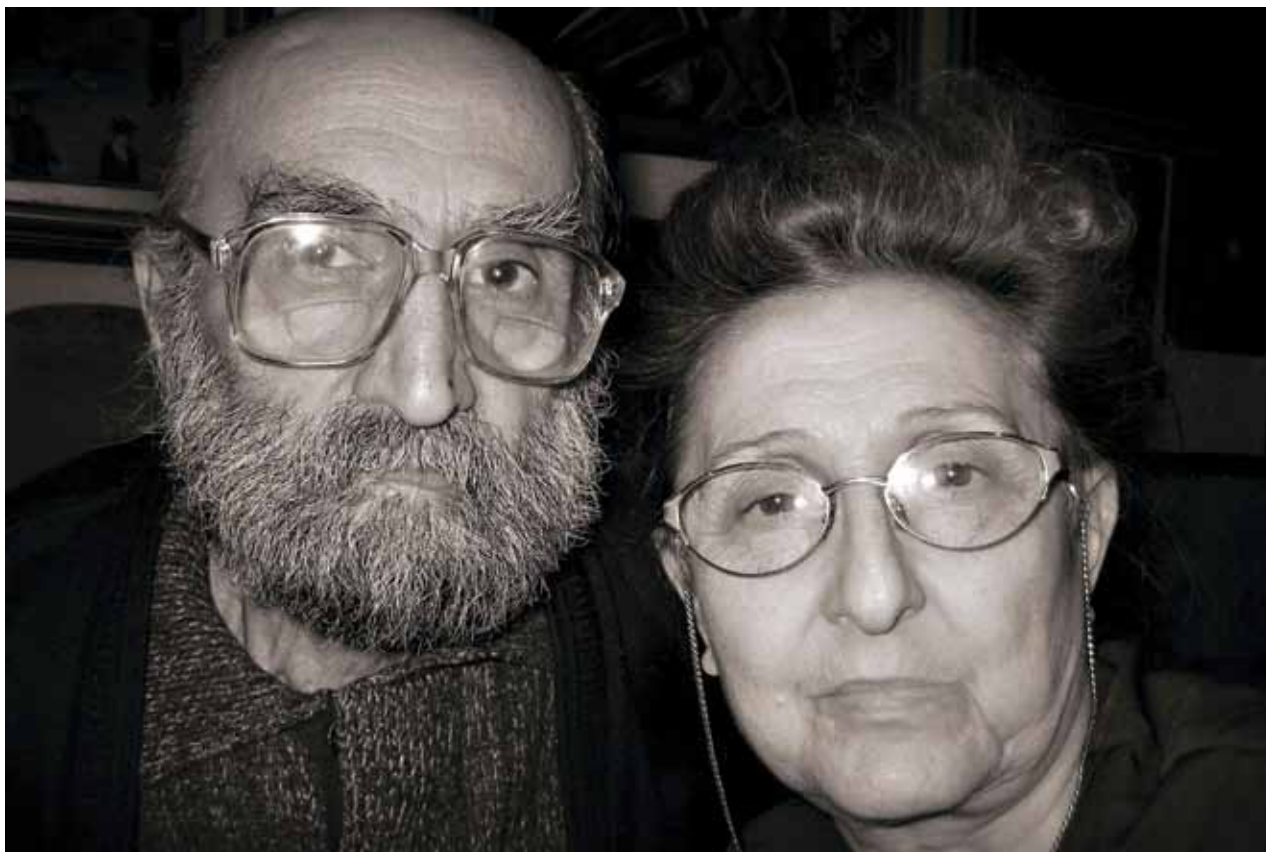
И в 1883 году, передав дела Питоеву, он решает напоследок еще раз проехать по Кахети. Маршрут таков: Мухрани – Телави – Сигнахи – Тифлис – Батуми – Севастополь... Пройдет больше трех десятилетий, и народный артист республики, экс-директор Московской консерватории, знаменитый дирижер вновь всерьез задумается о переезде в Грузию. С музыкальным миром которой поддерживает самые тесные связи. К тому же, ему «светит» директорская должность в Тбилисской консерватории. Но, по различным причинам план этот не осуществляется, и Ипполитов-Иванов становится «всего лишь» дирижером Большого театра...

Конечно, вспомнить о его пребывании в Тифлисе можно еще немало, «за бортом» этого повествования остается масса имен и воспоминаний, фактов и цифр. Но задача детально расписать тифлисское бытие Михаила Михайловича и

Михаил Ипполитов-Иванов после отъезда из Тифлиса

не ставилась. Это – удел научных изысканий. А то, что вы прочли, – наиболее значимые вехи, отдельные картины о том, как большую музыкальную жизнь в маленькой южнокавказской стране создавал русский дирижер. Который писал Чайковскому: «Из Тифлиса я уезжаю со спокойной совестью, сделал все, что было в моих силах...». А грузинскому композитору Мелитону Баланчивадзе признался: «Люблю Грузию и Тифлис как свою вторую родину, и был бы рад быть им полезным до конца моих дней».

Агаси Айвазян с супругой Гретой Вердиян

По закону вечности...

■ Анаида ГАЛУСТЯН

У всего есть свое содержание и свое название. Время все изменяет, но суть людей и жизни остается все той же. Правда, сама жизнь со временем кажется такой маленькой. Не короткой, а именно маленькой... Как парк Муштаид, представлявшийся в детстве гигантским. На самом деле и сегодня он – все тот же Муштаид. И город наш тот же, что когда-то. Правда, разросшийся, с новыми декорациями и лицами, но все равно, как и раньше, повсюду – базары, называющиеся теперь супер- и гипермаркетами. Опять все продается, покупается, люди торгуют, торгуются, хитрят, обманывают, жадничают, наживаются, что-то празднуют, поют, пляшут, нищенствуют, болеют... И решают все те же, старые, как мир, проблемы.

Меняются названия улиц,

проспектов, площадей. А вот городские вывески – такие же важные или смешные, как когда-то. Только – принесенные другим временем и людьми. Я обратила внимание, что они, вообще-то, лучше всего отражают современность. Вот читаю: «Gemrieli pishka» или «Shashlik house», смеюсь, но почему-то не удивляюсь.

Еще в прошлом веке на городские вывески обратил внимание и посвятил им рассказ «Вывески Тифлиса» замечательный тбилисский писатель, драматург, художник, сценарист Агаси Айвазян. Он родился и вырос в Грузии, окончил Тбилисскую академию художеств, работал в прессе, дружил с моим дядей, частенько приходил в наш плехановский двор, вызывая радость его жителей. По его произведениям сняты такие фильмы, как «Ха-

табала», «Треугольник», «Айрик», «Как дома, как дела?» и многие другие, полюбившиеся зрителю. Вот как он говорил о себе: «О себе? – Цель всего на свете – вступать в контакты. Наивно думать, что играл я только ради игры и жил только ради одной жизни. Сущность моя парадоксальная. С детства. В школе я – поэт, юморист, художник, в спорте – боксер, в музыке – скрипач, в театре и кино – сценарист и режиссер. 1925 года рождения, я в 17 лет – рабочий завода. В 20 лет – из рук в руки рабочие читали мой первый рукописный журнал «Алло» с моими текстами и графическими рисунками. Кредо жизни? – Мыслетворчество. Гармония формы и содержания. И постоянный труд». А любовь к родному Тбилиси, любованье им проходит через все его рас-

А. Айвазян. Женщина с гитарой

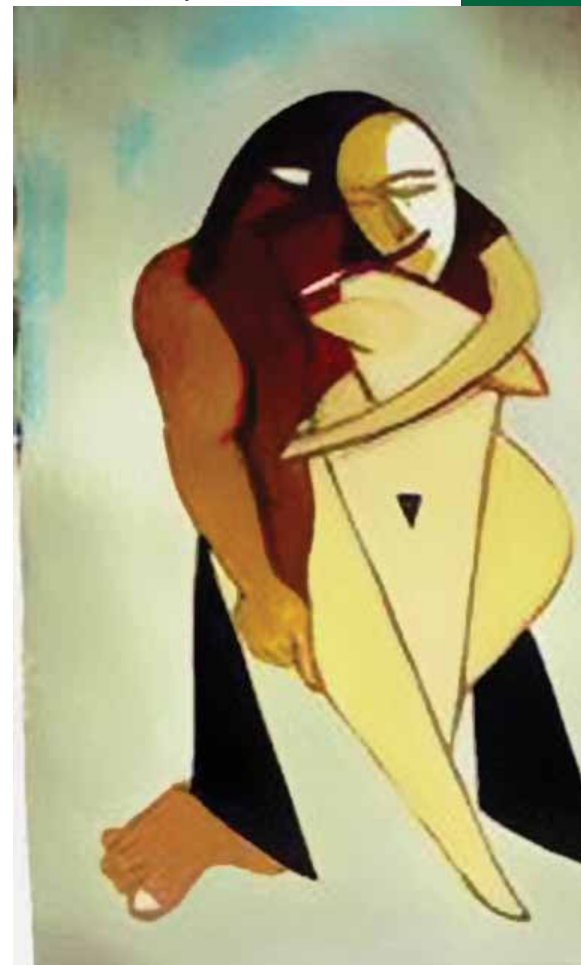
сказы, которые хочется цитировать:

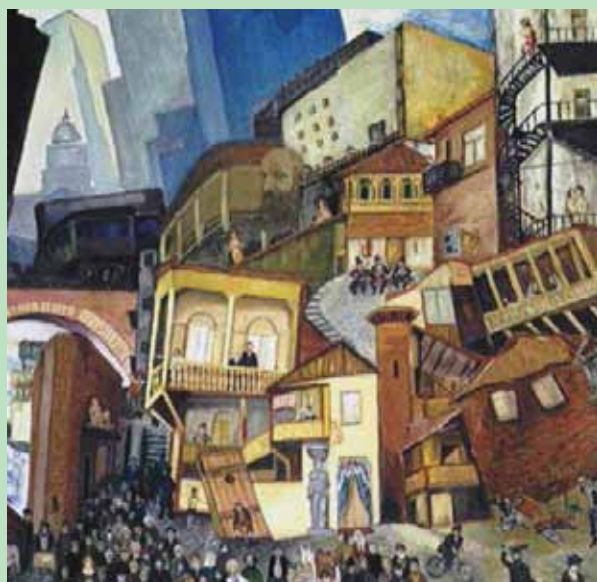
«Чуть легкомысленным был Тифлис, чуть мудрым, чуть щедрым, чуть печальным... Самая большая и роскошная улица Тифлиса – Головинская... Если идти по узким, кривым и горбатым улочкам, поймешь, что у печали вкус вина, а время, подобно уксусу, выделяет из себя пузырьки воздуха... Посреди Тифлиса – Кура, на ней шесть мостов – Михайловский, Верийский, Мухранский, Авлабарский, Метехский и Мнацакановский... Вдоль берегов тянутся мельницы, дома, церкви, мастерские, школы, над рекой нависают тысячи труб. Из этих труб, в соответствии с настроением города, вылетают старые туфли, лохмотья, сломанные керосинки, ведра, бутылки, а однажды выскочил целый шкаф... С Авлабара видно все. Весь Тифлис с его закоулками: Шайтан-базар, Эриванская площадь, Мыльная улица, церковь святого Саркиса, Сион, греческая церковь, Коджор,

Борчалу, Шавнабади... и Париж! С Авлабара видны тифлиские свадьбы и похороны, болезни и сны... Видны беды Тифлиса. И если кого-то уж очень охватит тоска, то с Авлабара ему станет виден винный погребок Саркисова, где опьянеть стоит один абаз... В Сололаке говорят по-армянски, в Вере-по-грузински, на Дворцовой площади-по-русски, на турецком майдане – по-персидски, в Киричной – по-немецки, на Авлабаре – по-авлабарски!.. На Авлабаре были церкви, в Шайтан-базаре – мечети, на Авлабаре была восточная баня, в Шайтан-базаре – персидские бани, на Авлабаре потрескивал аппарат синемаатографа, в Шайтан-базаре, позвякивая колокольцами, вышагивали верблюды. Авлабар и Шайтан-базар объединяла расположенная на скале Метехская тюрьма, а чуть дальше, если пройти немножко по берегу Куры, начинался Ортачальский рай – места для пирушек... Словом, хочешь – в церковь иди, хочешь – на базар, хочешь – в баню, хочешь – в тюрьму... Тифлис был веселый город... Китайцы показывали во дворах фокусы – глотали огонь, итальянцы пели «бельканто», играли на мандолинах и гитарах... Настоящие итальянцы и китайцы мало-помалу перевелись или просто стали тифлисцами... В Тифлисе были кахетинские вина всех цветов радуги, ереванские абрикосы и тавризский виноград сами собой ложились в корзины, черная тута искрилась на подносах кинто... В Тифлисе была индийская хурма, корица, гвоздика, восточный сироп, кальян... и все эти запахи витали над городом, смешивались, объединялись и становились волшебным облаком – облако это кружило над Авлабаром, Шайтан-базаром, над улочками Нарикалы, потом делалось дождем, и этот пахучий разноцветный дождь сыпался на землю... Женщины были в шелку, перелива-

лись ожерелья, поблескивали украшения... С Авлабара были видны зелено-голубые глаза мадам Соломки, белоснежные ноги мадам Сусанны, гордая грудь калбатано Мэри, вздымающаяся, как фуникулер... Звуки дудуков расстилались над Тифлисом, как просторная скатерть на щедром столе. Сила этих звуков заставляла раскачиваться кресты на церквях, словно то были ивы... В Чугурети улочки кривые и такие извилистые, запутанные, что даже солнце плутает там долго-долго. Чтобы выбраться на большую улицу, люди поднимались наверх, потом спускались, и все – мимо тифлиских дворов. Тифлисский двор не строили, его выдумали фокусники, потом щедрые карачохели обмазали его чихиртмой и бугламой, полили вином и обмели пучком душистой травы-тархуна. Тифлисский двор, как старая мысль, тих и спокоен: на балконах ковры, посреди

А. Айвазян. Абстракция

А. Айвазян. Тифлис

«Конечно, картина внешне сразу узнаваема – Тифлис – и все тут... но я подумала, что обобщенный смысл содержания картины придает ей большее значение. В альбом картина уже вошла как «Восток и Запад»

Философия картины привораживает: две части света в безнадежном внутреннем движении – как Неизбежность. Восток – прилепленные друг к другу дома, окна которых, балконы которых открыты друг другу полнотой музыки и любви, страсти и радости. Дома-небоскребы Запада в другом цвете, в другом решении. Но оба они в социотрясении, как в землетрясении: искривлены с горьким предощущением автора на разрушение. И в арке вода-не вода – угроза потопления. И само человечество понизу в движении: из недр обеих частей света выходит оно – мужчины, женщины, дети... движущейся массой своей идет оно, идет... и меж ними есть та, что ведет их... незаметна она меж ними, смерть. И в центре картины, в верхней части ее, автопортретом – предчувствие – сожаление: «И я был с вами и меж вами, и я любил тебя, жизнь». – Это моя литературная аннотация к картине.»

Грета ВЕРДИАН

двора – водопроводный кран... Дворы будто народились один от другого: большие и маленькие – все одного племени, все на один манер...»

И по всему городу – вывески, вывески, вывески: на крупных и солидных предприятиях, больницах, дверях кабачков и парикмахерских, мелких лавчонках, соответственно, солидные или смешные. Вот такая, над дверью духана: «*Танцую я, танцуют все, хочиш сматри, хочиш не*». Или вывеска в Шайтан-базаре: «*Барев, кацо, добри человек*». Вывеска в Сирачхане: «*Больница частная, венерическая. Лечим все болезни, имеем пиавки*». Вывеска в Сололаке: «*В духане Гога аппетит бога*». Вывеска на Авлабаре: «*Душа рай, дверь открывай, не стучай*». Вывеска в Клор-тахе: «*Вини погребца, кахетински Акоба, пьем до гроба и даже в гроба*». Или – «*Загляни, дорогой*», «*Сам пришел*», «*Сухой не уезжай*», «*Войди и посмотри*», «*Симпатия*», «*Тили пучури*» («*Маленькая вошка*»), «*Не уезжай, голубчик*». Вывеска в Дидубе: «*Скори файтон, весоли Антон, иду вагзал и обротон*». Любая замызганная улочка имела свою вывеску, и вывеска эта открывала улицу, освещала ее...

Все рассказы Айвазяна очень похожи на картины Пиросмани с их наивностью и, в то же время, простой житейской мудростью. И во всех вывесках – тогдашних и сегодняшних, в людях нашего города, во дворах, улицах есть тот закон вечности, который вывел Нодар Думбадзе: «*Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее... потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить души друг друга: вы – мою, я – другого, другой – третьего, и так далее до бесконечности*»... И у Айвазяна – свой закон вечности: «*Мир, он весь из одного вещества: и камни, и горы, и воздух... Все на свете переходит одно в другое. Кончается дерево – начинается воздух, кончается воздух – начинается камень, за камнем – мох, за мхом – лягушка, за лягушкой – вода... Кто знает, где он начинается, человек, и где кончается. Нет пустого пространства. Поэтому, когда здесь один вспоминает что-то грустное, где-то там, за версту, загрустит и другой. Заговорит здесь шепотом чья-то боль – живущий за горой ее услышит...*»

Вот так и передается из поколения в поколение тифлисская душа. Что это такое лично для меня? Это когда не ты живешь в своем городе, а твой город живет в тебе. Такой душе понятен этот «закон вечности», и в ней продолжают жить суть и колорит, язык и юмор нашего города, как бы он не изменялся и как бы не изменялись названия улиц, площадей, магазинов... Главное, чтобы было настроение беззаботно гулять по любимым улицам, чувствовать эту любовь, читать вывески и улыбаться.

23 марта моему любимому писателю и замечательному тбилисцу Агаси Айвазяну исполнилось бы 91.

МУХАМБАЗ Для ДУДУКА

— Агаси АЙВАЗЯН

Эта комната, и особенно ее дверь, безлика и темная, в запасе воспоминаний дудукиста Багдо Горголаджянца были словно в той жизни... Где находилась дверь, на какой улице? Хоть бы была подальше, но ведь в том-то и дело, что была в Тифлисе... Хоть бы была не в Тифлисе, а в самом деле в той жизни, но вот поди же ты — та жизнь Багдо была для него тоже в Тифлисе. Как не сойти с ума: эта жизнь — в Тифлисе, та жизнь — тоже. И порой Багдо путал — в какой жизни он играет на дудуке?

И хоть бы узнать, где эта комната и дверь в этом маленьком Тифлисе. И постараться бы, чтобы даже звук его дудука не нашел это проклятое место. А дудук бывал повсюду; захавшись поднимался вверх по Сирачхане, потом разудало танцевал на помолвке в Авлабаре, потом спускался вниз, в Чугурет, скорбел над мертвецом Пепан, потом входил в Пески и объяснялся в безнадежной любви кокетливой, с родинками Кетеван, сжимал сердце в пригоршню и выжимал кровь, и не было

большого счастья, чем когда его вздох добирался до ушей красавицы, когда хоть одно «ох» доходило до сердца прекрасной. Потом он спускался в подвал «Симпатия» Аветика Шихинова, говорил о непонятном мире и о той жизни, пьянел, приходил в Харпук и ложился в постель...

И всегда страх был с Багдо, с дрожью вступал он даже в свой родной Харпук. Как появилась вдруг перед ним эта дверь, а за ней — эта комната? И весь наружу Тифлис — с его любовью и ненавистью, песней и плачем, — этот Тифлис прятал в себе дверь и комнату, в которой Багдо Горголаджянц был жалким изгоем, последним в мире человеком, даже и не человеком — всего лишь звуком дудука в образе человека.

Дудук открывал двери, его звали на свадьбы, на кладбище и даже в баню. Одного боялся Багдо — как бы не открыть дверь этой комнаты. И у ноги был страх, она шагала нетвердо. Люди говорили — он на дудуке играет, только о дудуке и думает, потому не видит землю, потому боязно ему ходить. Откуда им было знать, что на одной из тифлисских улиц есть прячущаяся за замшелой вуалью лет дверь, а за ней комната, где очень давно (Багдо и сам не знал, когда) стоял голенький ребенок, бедный, несчастный Багдо, и на его жалкость было направлено множество взглядов — насмешливых и благожелательных, иронически-улыбчивых и заботливых: «Откуда появился на свет этот щенок, горсть костей, этот глупый Багдо, который будет жить в Тифлисе и играть на дудуке?» И мяли его нежные косточки, приспособляли к кособоким улочкам Тифлиса, поворачивали так; и сяк его ноги, руки, уши, брови.

«Может, вовсе и не было этой двери, этой комнаты? Может, она существует лишь на карте моего мозга?» — утешал себя Багдо и с полузакрытыми глазами вдвухивал в дудук свой страх, покачиваясь, ходил по шумным улицам.

Но однажды в Круглом квар-

тале между монотонных звуков дудука неожиданно открылась длинная улица, полезла под ноги, повела, повела и... в ее проклятом конце появилась знакомая дверь, за которой была ироническая благожелательность и насмешливая забота. И Багдо в ужасе повернулся и побежал, кое-как выбрался из кошмарного полусна, спустился по улицам и очутился в Харпuxe. Люди смотрели вслед бегущему Багдо и ничего не понимали. Да и как могло им прийти в голову, что он убегает от какой-то двери? Тифлиссские двери были просты и понятны, на каждой что-то написано, нечто определенное и точное, узаконенное обществом: «Банкирская контора Придонова», «Тифлиссский полицмейстер Алхасов В.М.», «Князь Качкашвили Ю.К.», «Мещанская управа Хурутян А.М.», «Ювелир Еганов Т.Т.», «Частный поверенный Ахназаров В.К.», «Нотариус Бахутов И.В.», «Акушерка Тухарели», «Торговый дом Африкяна», «Хатисов, городской голова», «Адвокат Чурчелишвили Ч.Ч.», «Братья Сейлановы»...

Но эта бредовая дверь Багдо Горголаджянца не имела надписи, была гладкой и находилась за густой пеленой.

Прошло несколько дней, и

Багдо уже не мог вспомнить, где находилась дверь. Круглый квартал был круглым, и ведь с какой стороны ни войди в него, ты бы не выбрался из круга, так откуда же появилась эта длинная улица и злополучная дверь? И Багдо уже не стал заходить в Круглый квартал. Его звали, говорили: «Есть свадьба, приходи, сыграй».

Но Багдо лишь приниженно и уклончиво пожимал плечами.

Прошло несколько недель, и однажды вечером, когда в Авлабаре ныл дудук Багдо, звуки вновь полетели по очень знакомым улицам и потащили за собой Горголаджянца, вывели его на незнакомую улицу, в конце которой шел дождь и во влажной печали смутно наметилась опять та же дверь, снова та же дверь... Багдо, охваченный страхом, повернулся и опять убежал, и с этого дня перестал ходить уже и в Авлабар.

Он дул в свой дудук теперь в Песках, где все было на виду, улицы – короткие, дворы выходили на Куру. Багдо был обеспечен, его желания скромны, воображение исчерпано. И с тем, что печальная тень двери встретила его и здесь, уже ничего нельзя было поделаться, дальше было уже некуда. Дудук задрожал, прилип к

губам. Багдо растерянно посмотрел по сторонам – где он, где он? Потом убежал, побежал и бросился в Куру. Около Турецкого майдана его вытащили рыбки. И с этого дня Багдо ногой не ступал в Пески. Его дудук играл только в чайханах Шайтан-базара для худых отощавших терщиков-кисачи, которые охлаждали чай, размеренно дуя на блюдечки... Багдо брал Тифлис под свои закрытые веки, заключал его в звуки...

«Эй, чудак Багдо, что заставило тебя распахнуть свои веки, что ты собирался увидеть? Ведь конец света далеко, а конец дудука под самым твоим носом. Эх, болван Багдо, так тебе и надо!..» – выдохнул в порыве самоуничтожения Багдо и, вскочив с места, бросился вон из подвала и удрал, потому что из-под полуприкрытых век он заметил новую улицу, а в конце ее – ту злополучную дверь. Ушел Багдо и из Шайтан-базара.

Потом дверь появилась в Ортачале, преградила ему путь в Анчхате, и Багдо убежал и из Анчхата. И под конец свой же брат Тифлис почти кончился для Багдо, и кособокий облик его замаячил в одном лишь Сололаке. Дудук попал в окружение звуков рояля и скрипки. Как сирота смотрел он на белые, украшенные

ангелами окна, откуда вылетали на улицу трели пианино и клавирина, еще теплые, дышащие паром.

Багдо съеживался около швейцара или сапожника и в узкое отверстие дудука выдувал свою дрожь и холод.

А в одну из зимних ночей вновь пришла та же беда — в одном из сытых переулков Сололака открылась дорога и вновь вдали появилась эта дверь. Ничего не поделаешь, не осталось в Тифлисе места, и он убежал, поднялся на гору Махат.

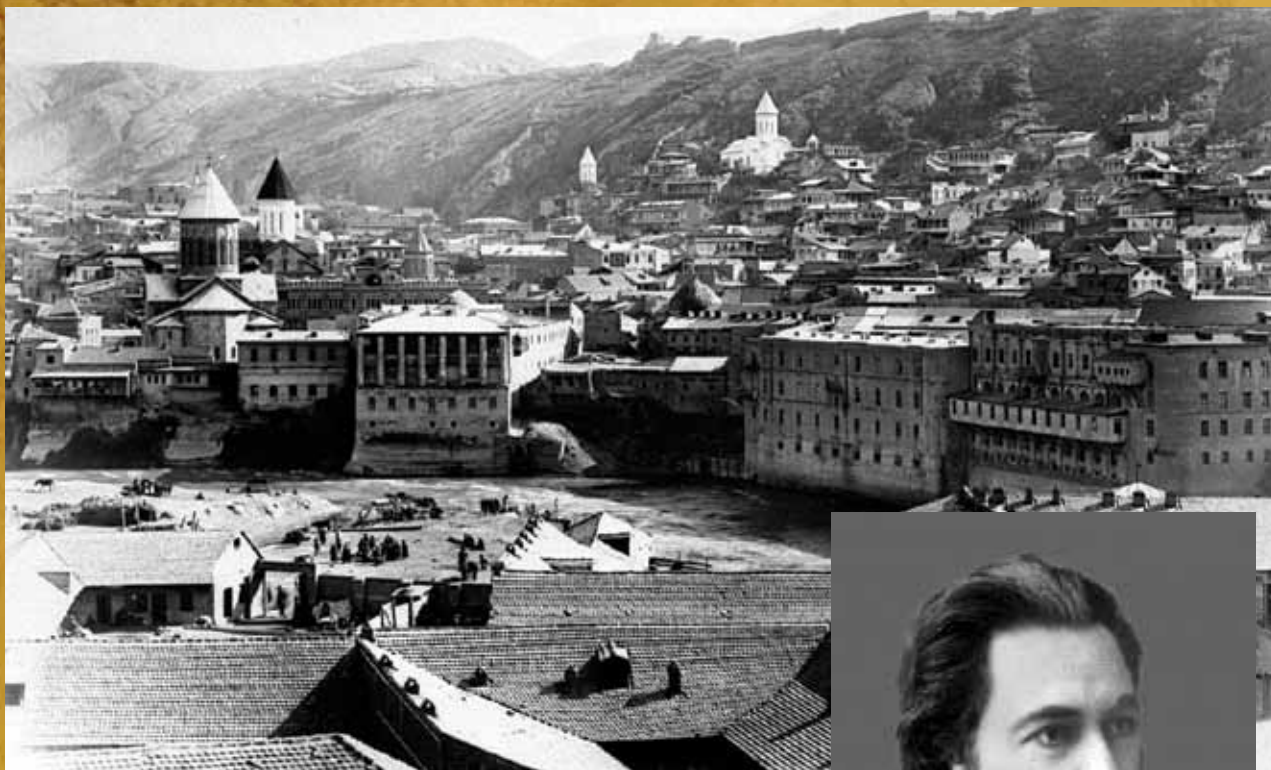
Тифлис был далеко, кругом ни души, а дудук был у него за пазухой. И вдруг неизвестно откуда перед ним появилась дверь, реальная, осязаемая... Прямо перед носом, с заснеженным порогом. И уже не было исхода для замотанного дудукиста Багдо Горголаджянца. Он улыбнулся: «Значит, и на горе тоже ты? Что ты хочешь этим сказать? Что ты предназначена мне? И что столько времени потратила на какого-то кособокую дудукиста Багдо Горголаджянца?»

Усталый Багдо смирился, успокоился, подумал о жизни: «Яйца выеденного не стоит все это», вытащил из-за пазухи свое единственное имущество — дудук, приложил к губам, и залихватская трель пролетела над Тифлисом, потом он открыл дверь и вышел...

Да только вошел или вышел? Сам не понял, и небу не ясно...

Перевод Дж. КАРУМЯН

Василий Корганов

Тяга к музыке

■ Мария КИРАКОСОВА

Каждого, кто входит в музей Тбилисской консерватории, на стене справа от дверей встречается портрет молодого человека в мундире офицера саперного батальона. Это Василий Давидович Корганов, музыковед, композитор, журналист и писатель с широким спектром интересов, видный общественный деятель и неутомимый библиограф. Свой трудовой путь он начал в Тифлисе, городе, где родился (1865), покинул его в юности для получения высшего образования в северной столице и вернулся назад в статусе выпускника Петербургского Военно-инженерного училища.

О фамильных корнях Давида Корганова мне рассказал Сергей Мартынович Гевенян, ныне проживающий в Германии, инженер и библиофил, пыливый собиратель материалов о живших в Тбилиси в 19-20 вв. армянских интеллигентах, автор замечательной книги «Мой Тифлис». От Земфиры Левоновны Семеновой, зав. музыкальным отделом Ереванской публичной библиотеки он узнал, что родина Коргановых — село-крепость у подножия Арарата, что выходцы из этого села воспитывались в сознании высокого воинского долга перед родиной, и в дальнейшем, участвуя в войнах, нередко становились генералами.

Сергей Мартынович любезно способствовал тому, чтобы из Еревана мне выслали сборник

«В.Д. Корганов. Статьи. Воспоминания. Путевые заметки»; его составителем, наряду с М.Г. Арутюнян, была З.Л. Семенова (Ереван, 1968). Без этого пособия работа над статьей была бы невозможна.

Тяга к музыке была неотъемлемой частью быта Коргановых, а в центре его был Давид Корганов, образованный юрист и заботливый семьянин. Тяга возникла из музицирования на фортепиано и семейных дуэтов флейты с фортепиано, большими почитателями которых были отец с матерью Василия. От матери мальчик воспринял навыки игры на рояле. В дальнейшем его педагогом стал Э.Ф. Эпштейн, основатель школы фортепианной игры в Грузии, о котором его ученик, уже став писателем, высказывался с большой теплотой. Освоение игры на фортепиано шло одновременно с занятиями в гимназии, затем в реальном училище. С этим сочеталось систематическое изучение музыкально-теоретических предметов, которым руководили замечательные музыканты и общественные деятели Константин Михайлович Алиханов и Генарий Осипович Корганов, получившие образование в учебных заведениях России и Европы. С отроческих лет Василий пробует силы в концертных выступлениях, и армянская газета «Мшак» предсказывает ему бле-

И.Репин. П-т Цезарь Кюи

стоящее будущее пианиста. Однако, соприкоснувшись с музыкальной жизнью Петербурга, он понимает цену истинному исполнительству. Выбор будущей профессии остановлен на поступлении в Военно-инженерное училище; в то же время принимается серьезное решение о художественном самообразовании.

Случилось так, что в училище, студентом которого стал Корганов, курс фортификации вел Цезарь Антонович Кюи. Он известен как композитор, участник «Могучей кучки» и музыкальный критик, но немногие знают, что он также был видным ученым в области военно-инженерного дела, инженер-генералом, заслуженным профессором Петербургской Инженерной академии. При его содействии Василий углубленно знакомится с музыкальной литературой, получает доступ не только на концерты, но и на экзамены в консерватории, где проводит все свободное от занятий время.

Большое значение в формировании В.Корганова как будущего организатора музыкального образования, концертно-театральной жизни и музыкальной критики в Грузии, имели встречи не только с Кюи, но также наблюдение за просветительской деятельностью Антона Григорьевича Рубинштейна, который стал его кумиром. Однако, при всем преклонении перед этими именами, интересы начинающего музыканта характеризовались достаточной независимостью; его предпочтения в русской музыке адресовывались, прежде всего, к музыке Чайковского, одинаково неприемлемой для обоих его небожителей.

Совершенствование музыкального образова-

ния интенсивно продолжилось в г. Сарыкамыше, городе в Карской области, где после окончания училища предстояло начать военную службу. Такое распределение, мягко говоря, нельзя назвать удачным. Высокогорный район с резко континентальным климатом, суровой зимой и изнурительной летней жарой, небогатой историей, единичными скульптурными памятниками неизвестным персонажам и одинокой мечетью в центре города. Работа не казалась обременительной, она оставляла достаточно времени для свободных занятий, и, окруженный книгами, новоявленный сапер не только расширяет свои художественные знания, не только изыскивает возможности заняться журналистикой, но и готовит к изданию брошюру «Людвиг ван Бетховен». Она положила начало коргановской бетховениане, неоднократно всплывающей на творческом пути исследователя. В 1888 г. в Тифлисе вышла книга «Жизнь и сочинения Людвиг ван Бетховена», в 1900-м – ее новый вариант в Санкт-Петербурге («Биографический этюд, основанный на письмах, «Людвиг ван Бетховен»), который был признан как первое на русском языке серьезное исследование о венском композиторе. Материалы о Бетховене публиковались и на немецком языке (СПб. «Русская музыкальная газета». 1903, №12).

Не прекращая работы в саперном батальоне (она длилась до 1896 г.), в 1888 году Корганов переводится в Тифлис. «Эту дату следует считать началом музыкально-литературной деятельности, продолжавшейся около полувека», – пишет его биограф. Поначалу журналистские опусы отсылаются в редактируемый Ц.Кюи журнал «Музыкальное обозрение». Однако очень скоро круг авторских интересов охватывает все больше периодических изданий с тем разнообразием тематических ответвлений, которыми изобиловала пресса: «Артист», «Баян», «Театр и жизнь», «Новое время», «Новое обозрение», «Кавказ», «Тифлисский листок», «Нувеллист» – и это далеко не полный перечень.

Статьи и очерки Корганова написаны на прекрасном русском языке. Они увлекательны, остроумны. Едкая критика соседствует с безмерным восторгом, который льется из-под пера автора при встрече с поразившей его личностью, наблюдением за происходящими событиями в культурной жизни или отдельным явлением. Меткость художественного взгляда, богатый вкус способствовали распознаванию доселе неведомых, прозябавших в неизвестности талантов. В ту пору у истоков профессионального воспитания певцов в Тифлисском музыкальном училище, наряду с Варварой Михайловной Зарудной, женой М.М. Ипполитова-Иванова и солисткой оперного театра, был Дмитрий Алексеевич Усатов, тенор, в недавнем прошлом артист Большого театра. Однажды в «живых упражнениях» вокальных классов, которые проводились в присутствии публики, Василия Давидовича поразил «юный,

Федор Шаляпин

долговязый, весьма жалко одетый блондин» своим исполнением арии дона Базилио о клевете и потрясающей интерпретацией арии Мельника из «Русалки». На следующий день в газете «Кавказ» появилась заметка, возвещающая о рождении великого таланта. Ее автор Василий Корганов не побоялся пафоса в провозглашении этого едва оперившегося юнца, каким предстал перед слушателями Федор Шаляпин, будущим триумфатором.

«Прочитав эту заметку, – говорит великий артист в своих мемуарах, – я с трепетом душевным почувствовал, что со мною случилось что-то невероятно, неожиданно, чего у меня и в мечтах не было. Я, пожалуй, сознавал, что Мельник спет мной хорошо, лучше, чем я когда-либо пел, но, все-таки мне казалось, что заметка преувеличивает силу моего дарования. Я был смущен и напуган этой первой похвалой. Я понимал, как много от меня потребуется в будущем».

Заметка об ученическом бенефисе Шаляпина положила начало продолжительной (более трех десятилетий) дружбе ее автора с великим артистом. Их переписка с захватывающей событийностью культурно-художественной панорамы содержит ценные предпосылки для обстоятельного исследования.

Именно в воспоминаниях Корганова со всей полнотой раскрылась феноменальная музыкальная одаренность юного Шаляпина, еще не ведающего о значении специального образования. В

доме Коргановых по воскресеньям собирались оперные артисты, преподаватели музыкального училища, иногда заезжие гастролеры. Среди них бывал и Шаляпин, уже солист Тифлисской оперы. Приемы давались с щедростью, на которую позволяло рассчитывать скромное жалование мирового судьи (глава семьи Давид Корганов) и его сына, саперного поручика. Однажды в гости пришел недавний выпускник Московской консерватории Матвей Леонтьевич Пресман. Уроженец Тифлиса, в будущем известный педагог и выдающийся специалист по методике преподавания игры на фортепиано, он привел с собой Леонида Александровича Максимова, который совершал гастрольное турне. При всех своих заслугах, оба музыканта вошли в историю музыки прежде всего как воспитанники легендарного Николая Сергеевича Зверева, который, вместе с С.В. Рахманиновым, безвозмездно принял их в свой частный пансион. В тот вечер Пресман принес с собой клавир тогда никому не известного «Князя Игоря» А.П. Бородина и стал играть, восторженно расхваливая музыку. Неожиданно за спиной пианиста раздался голос Шаляпина. «Я был поражен его свободным чтением нот с листа, а Максимов, выдавший виды, был удивлен той свободой и соответственной экспрессией, с которой юноша все смелее стал петь партию Игоря». Еще больший восторг вызвало исполнение последней арии Мельника.

Пение незнакомой партии с листа настолько поразило Корганова, что он, не видя большого рвения Шаляпина к художественному образованию, решил заняться этим сам. Певцу было предложено приходить по воскресеньям на час раньше других. Встречая гостя, Василий раскладывал перед ним ноты с различными ариями или романсами. Выяснялось, что многие романсы Глинки, Шуберта, Шумана он видел впервые. Аккомпаниатора восхищала не только удивительная легкость в овладении незнакомым текстом, всегда с подъемом и увлеченностью; его очаровывала загадка мгновенного формирования исполнительской концепции даже тогда, когда восприятие новой музыки требовало усиленного внимания. Иногда на занятиях присутствовал оперный певец Франковский, который превратил свои восторги в забавный театр пантомимы. Учась в Петербургской консерватории, он завораживал пением ее директора А.Рубинштейна, который пророчил великое ему будущее. Однако пение Шаляпина, партнера по оперным спектаклям, привело к роковой переоценке своих возможностей: «Какой я артист? Вот артист – Шаляпин, ему и учиться нечему». «Года через два Франковский променял артистическую карьеру на службу в одном из петербургских банков», – сообщает Корганов.

Весной 1894 года состоялся бенефис Шаляпина, давший ему материальную возможность для переезда в Петербург. Снабдив певца рекомендательными письмами, Василий Давидович про-

водил его со словами: «Большому кораблю большое плавание». Шалапин всегда помнил о роли, которую сыграл в его жизни Корганов, и через несколько лет, встретившись в Петербурге, познакомил его с красавицей, тогда еще гражданской женой, Марией Валентиновной Пертцольд, со словами: «Это моя няня, мой опекун... Он поддержал мои первые артистические шаги, он пристроил меня в тифлисскую оперу, он дал мне рекомендательные письма сюда. Вот его «Элегию» я пою в концертах...».

До сих пор мы не говорили о Корганове-композиторе, но на этом эпизоде следует остановиться. Пользуясь случаем, Корганов передал Федору Ивановичу лежащую в портфеле рукопись романа «У врат обители святой». Проиграв мелодию на рояле, Шалапин был очень доволен и загорелся желанием немедленно ее спеть под аккомпанемент Александра Ильича Зилоти (двоюродный брат Рахманинова, пианист и дирижер). Автор романа отправился в нотный магазин, чтобы сделать копию для аккомпаниатора, но, не застав издателя, нарвался на полуграмотного владельца магазина. Тот, очевидно полагаясь на отношение Шалапина, предложил бешеный гонорар за право отказаться от собственности на роман. Тщетно объяснял ему Корганов, что не всякий предмет расценивается на рынке по достоинству, что Легар заработал на издании «Веселой вдовы» больше, чем Моцарт за все свои семьсот композиций. Рукопись пришлось отдать, и тут же была предложена выгодная сделка вокруг нового романа. От нее автор категорически отказался, не предполагая, однако, какой «капкан» готовит ему «издательская эпопея». Вспоминая об этом, Корганов, ироничный, подчас жесткий критик в оценке поступков своих и чужих, не жалел красок для описания ситуации. Новый роман был отпечатан с грубыми ошибками и послан Шалапину, но, видимо, Зилоти объяснил дрянность пьесы, приведшей певца в восторг. Шалапин, кажется, никогда не пел и не вспоминал о нем, а «Элегию» он пел в концертах лет десять».

В 1917 году в журнале «Летопись», который издавал Горький, были опубликованы «Мемуары» Шалапина. По манере изложения, «неточностям, ляпсусам и опечаткам», ошибкам в событийности и гипертрофированном изображении нищеты в детстве и отрочестве угадывается присутствие «чужой руки». Поговаривали, что текст писал Горький под диктовку Шалапина. Опровергая ряд фактов, Корганов посчитал необходимым высказаться о возмущившем его искажении истории о меценатском покровительстве в Тифлисе. В соответствии с текстом, Д.Усатов, заметив талант ученика, отправил его «к владельцу какой-то аптеки или аптекарского склада, человеку восточного типа», который стал платить ему ежемесячную стипендию в 10 рублей. Этот «человек восточного типа» — К.М. Алиханов, никакими «восточными чертами» не обладавший, известный

общественный деятель с высшим образованием, в молодости преподаватель фортепианной игры, долгое время был всесильным председателем Тифлисского отделения ИРМО, вместе с тем, председателем правления «Кавказского товарищества торговли аптекарскими товарами»; Шалапин как благодарный бывший стипендиант, впоследствии при каждом своем приезде в Тифлис посещал Алиханова и мог бы упомянуть о нем в ином тоне».

Занятия с начинающим Шалапиным — свидетельство того, как бережно относился Корганов к учащейся молодежи. В Тифлисском училище он преподавал историю музыки и эстетику и сделался активным членом ИРМО. В докладах во время заседаний он призывал следовать постановке музыкального образования в Петербурге и странах Европы. Результатом изучения музыкально-педагогического дела в России и в Европе явился проект реформ в Уставе ИРМО, который получил одобрение на заседаниях Тифлисского отделения, и в прессе появились одобрительные отзывы. Однако не все в работе общества казалось Корганову убедительным, а некоторые положения явно возмущали. Договорившись с Алоизием Мизандари и Дмитрием Усатовым, он создает оппозиционную группировку, которая во главе с Алихановым осуждает деятельность М.М. Ипполитова-Иванова (сторону последнего представ-

Тбилисская консерватория

ляли Ис.Питоев, И.Андроникашвили). Конфликт проистекал из выдвинутого группой Алиханова протеста против участия учащейся молодежи в спектаклях основанного Питоевым Тифлисского театрального общества. Вред таких выступлений связывался с частными интересами театра Питоева: в его постановках оппозиционерам виделась эксплуатация учеников. Разразился скандал, получивший огласку в прессе. Питоев отверг предъявляемые обвинения, указывая на органичность взаимосвязи процесса обучения певцов и деятельности Артистического общества. В ответ на резкую критику в «Новом обозрении» он заявил: «Искусство в нашем крае не столько развито, чтобы одна его отрасль не нуждалась в поддержке другой, от взаимной помощи получится обоюдная польза». Но никакие доводы не могли повлиять на убеждение Корганова. Вслед за Алихановым он выходит из состава ИРМО, но, как оказывается, не безвозвратно. В 1894 году в газете «Кавказ» (№259) под рубрикой «Вокруг театра» была опубликована статья, где в эпиграфе прозвучали слова Некрасова: «Да, бог милостив! Русский народ / плакать не любит, а больше поет». Автор (В.Д.К. – **М.К.**) рассказывает об успехах выпускников тифлисского училища и о том, как растет его контингент. «После» «смутного» периода, – говорится в статье, – которое пережило наше музыкальное общество в сезон 1893/4 года, мир и согласие вновь воцарились в нем, а время и труд, которые убивались на личные столкновения, вновь посвящаются интересам учреждения и общего дела». Приводится список выпускниц-пианисток, которые поступили в Московскую консерваторию в профессорские классы Сафонова и Пабста.

В 1900 году Корганов начинает выпускать первый в Закавказье ежемесячный научно-литературный журнал «Кавказский вестник» на русском языке. На его страницах в полной мере выразилась блистательная эрудиция и объем-

ность художественных интересов его создателя: среди авторов И.Чавчавадзе и А.Церетели, Н.Марр и Веселовские (историк литературы Александр Николаевич и Юрий Николаевич, поэт, переводчик, критик, сыгравший важную роль в изучении армянской культуры), Комитас, Раффи, А.Ширванзаде, К.Хетагуров. В архиве «Кавказского вестника», в числе других, хранятся письма В.Г. Короленко, Д.И. Менделеева. Корреспонденты нового издания – современники его основателя, однако в приложении к журналу публикуются записки знаменитого французского путешественника Жана Шардена (1643-1713).

Хочу привести отклики некоторых авторов на проект издания журнала: «Милостивый Государь Василий Давидович!

Основание журнала на Кавказе я считаю важным шагом вперед... Если мы сойдемся во взглядах, включите мое имя в число сотрудников. Готовый к услугам А.Веселовский». А вот выдержка из письма другого корреспондента – Ю.Веселовского: «...посылаю Вам небольшой этюд, посвященный еще никем не разработанному вопросу, – о Пьере Корнеле, как авторе трагедии из армянской истории».

Статьи самого Корганова в «Кавказском вестнике» объединены в цикл под общим заглавием «Взгляд в нечто». Все они талантливо написаны и выразительно передают портреты главных персоналий. Так, очерк «Иван Константинович Айвазовский» начинается эпиграфом из стихов автора: «Кисть вдохновенная упала / из рук великого творца», где художник предстает как «могучий царь морской стихии / и моря пламенный поэт». Другой очерк – многочастное эссе «Опять в Италии» – с дивной природой, льющимися потоками полуденного солнца, поражает не только охватом увиденного, но также даром скрупулезного вникания в историю памятников культуры. Помня о допустимой для журнала протяженности статьи, продолжим знакомство читателя с разделами цикла «Взгляд в нечто» через перечисление их названий: «Tempi passati и «Тайная вечеря» Леонардо да Винчи»; «Опера в театре Ла Скала и вообще всюду»; «Болонья»; «Музы во Флоренции»; «Памятники былого величия Тосканы». И еще один, обособленный от предыдущих «взгляд» – «Берлинские развлечения».

Одновременно активно продолжается участие Василия Давидовича в работе Международного Музыкального общества. Оно было организовано в 1899 году, по инициативе немецкого ученого О.Флейшера, имело национальные секции во многих странах и просуществовало до начала Первой мировой войны. Конгресс ММО стимулировали поездки по странам Европы, где состоялись встречи с такими корифеями, как И.Брамс, Ж.Массне, К.Сен-Санс. Во время поездки в Италию два дня он гостит у Верди на вилле «Santa Agata». Однако более всего его покорила тот интеллектуальный мир, который предстал ему в обще-

нии с представителями ММО. Поэтому на 2 года он поселяется в Берлине, где в университете слушает лекции по физиологии, психологии, истории искусства и музыкально-теоретическим предметам у профессоров О.Флейшера, М.Фридлиндера, И.Вольфа. Под впечатлением этих лекций, он целиком уходит в исследовательскую работу, решив заниматься журналистикой лишь в особых случаях. Впечатления, вынесенные после III конгресса ММО, стимулировали выход в свет «биографического этюда» (так назвал его автор) о Моцарте. С живостью и увлекательностью представлено в воспоминаниях о конгрессе описание торжеств, посвященных столетию со дня смерти Гайдна.

В круг интересов Корганова всегда входили вопросы народной музыки. Его книга «Кавказская музыка» нацелена обратить внимание русского читателя к грузинской и армянской народной музыке – светской и духовной, а также к особенностям народной хореографии. К этому направлению относится и работа о грузинских волынщиках (мествире), которая была переведена на немецкий язык (журнал «Zeitschrift» ММО). Однако некоторые положения авторских позиций явно неприемлемы. Прежде всего это категорическое отрицание гармонизации народных мелодий как в обработках, так и профессиональных опусах, нарушающей их аутентичность. Разносу подверглись такие корифеи, как Комитас, Армен Тигранян, что неоднократно оспаривалось армянскими музыковедами.

Творческий путь Корганова был озарен встречами с выдающимися современниками; о некоторых мы упоминали в связи с поездками во Францию и Италию по линии ММО. В разное время, а подчас и одновременно, он общался с Горьким и Алексеем Толстым (в Херингсдорфе), А.Г. Рубинштейном, П.И. Чайковским в Тифлисе (эти знаменательные встречи запечатлелись на страницах воспоминаний о Рубинштейне и ставшей раритетом книге «Чайковский на Кавказе»). На курортах Минвод произошли знакомства с К.А. Станиславским, С.В. Рахманиновым (позже во время тифлиссских гастролей композитор становился ежедневным гостем дома Коргановых), дирижером и легендарным контрабасистом С.А. Кусевским, а также Эмилией Шан-Гирей, падчерицей Эмили Верзилиной, сыгравшей не лучшую роль в истории гибели Лермонтова. Наконец, в Вене и Берлине в число друзей и собеседников Василия Давидовича вошли естествоиспытатель и философ-монист Эрнст Генрих Хеккель и Эдуард Ганслик, музыкальный критик, профессор Венского университета, теоретик формализма, имя которого во времена коммунистов произносилось шепотом. Тем не менее в конце жизни Корганов напишет в своей «Автобиографии»: «В эстетике был последователем Э.Ганслика».

Заканчивая перечисление встреч и имен, хочу привести исторический случай, уводящий к визиту в Тифлис А.Рубинштейна. Однажды именитого го-

И.Репин. П-т Антона Рубинштейна

стя пригласили на обед по подписке в загородном саду «Ваза». Обстановка этого вечера, где присутствовали «сливки» городской интеллигенции, показалась Корганову крайне неинтересной, и он решил на смелый поступок. На извозчике он отправился в музыкальный магазин, и, договорившись с владельцем, вывез в освещенный лунной сад рояль фирмы «Беккер». Втайне от пианиста инструмент установили на подмостках землянки. Артист согласился играть в импровизированной «камерате», но только в полной темноте, при погашенных свечах. «Это было нечто волшебное... Сыграв девять пьес, Рубинштейн встал. Общее очарование не было нарушено рукоплесканиями... лишь некоторые выразили громко свой восторг», – вспоминал Корганов.

После установления советской власти в Грузии В.Д. Корганов по командировке Наркомпроса в июне 1921 года выезжает с семьей за границу. Через четыре года, потеряв сына, лечившегося в Лозанне, Василий Давидович получает из Армении приглашение занять должность заместителя директора Публичной библиотеки. Он отправляется в Ереван, где остается до конца своих дней, плодотворно отдавая себя работе исследователя и лектора (с 1926 года В.Д. Корганов – профессор-консультант и член художественного совета Ереванской консерватории). Свою огромную библиотеку (7 тысяч томов) и уникальные коллекции дарит Публичной библиотеке, при сохранении пожизненного права пользоваться этими материалами.

В.Д. Корганов скончался после мучительной болезни 6 июня 1934 года. Похоронен в Ереванском Пантеоне деятелей культуры и искусства.

Эдуард Аболь с правнуком Алексеем. 1948

Латыш и грузинская *фармацевтика*

■ Нонна ГАБИЛАЯ

На рубеже XIX–XX веков в Грузию из Латвии по приглашению, по направлению или волей судьбы прибывали деятели науки, культуры, военного дела и просто люди, гонимые тяготами жизни.

Полюбив эту страну, ее гостеприимный талантливый народ, красоту природы, они принимали ее культуру, традиции и оставались здесь либо на долгие годы, либо навсегда, внося свой вклад в развитие Грузии.

Я не знаю, совпадение это или закономерность, но именно в фармацевтике Грузии граждане Латвии оставили достаточно большой след.

В 1877–78 гг. во время русско-турецкой войны на Кавказ в качестве фармацевта после окончания Юрьевского университета (ныне Тартуский) прибыл Эдуард Карлович Вольдейт. Он поселился в Грузии, женился на грузинке знатного рода, у них было 12 детей, среди них были

врачи, фармацевты, композиторы, архитекторы, инженеры.

Один из сыновей Евгений Вольдейт был врачом-фармацевтом, Николай стал популярным врачом в Телави, пациенты любили его и называли просто – доктор Коля.

В начале XX века в Грузии обосновались братья Земмель (Зиемелис) – Оскар и Евгений. Оскар владел заводом безалкогольных напитков, а Евгений имел в Грузии несколько аптек, однако наибольшей популярностью пользовалась аптека в центре Тифлиса, а это место, где она находилась, до сих пор по привычке называют «Земмеля».

Интересно сложилась в Грузии судьба у братьев Купцис – Ивана (Яниса) и Роберта.

Янис Купцис в 1901 году окончил Юрьевский университет, получил звание магистра фармации и сразу был направлен в Грузию.

Роберт Купцис окончил Тартуский и Казанский университеты и в 1908 году вместе с молодой женой переехал в Грузию.

Оба брата занимались исследованием минеральных вод Кавказа.

Первую книгу о Боржоми еще в 1913 году выпустил Янис Купцис. Роберт издал книгу о Боржоми в 1925 году, опираясь и на данные, полученные братом, и на новые исследования.

В 1923 году Янис Купцис после двадцати двух лет покидает Грузию, возвращается в Латвию и занимается там изучением минеральных вод и лечебных грязей Латвии.

А Роберт Купцис остался навсегда в Грузии. Он написал более 80 научных трудов, книг, статей, докладов, открыл 800 новых источников. Получил научную степень без защиты диссертации только по своим трудам.

Эдуард Аболь с супругой Елизаветой и дочерью Евгенией

Он первым исследовал радиоактивность радона в Цхалтубо, а его метод анализа крови вошел в учебник судебно-медицинской экспертизы. Была открыта научная лаборатория по исследованию анализов минеральных вод и другого рода анализов, которую Роберт Купцис возглавлял долгие годы. На стене здания находится мемориальная доска, установленная Грузинским латышским обществом «AVE SOL» (ул. Зураба Чавчавадзе, 10).

В 1924 году в Грузию прибывает латышский магистр фармации Эдуард Яковлевич Аболь (Эдуардс Аболс).

Эдуард Аболь родился 29 февраля 1868 года близ местечка Вайтаки Курляндской губернии Латвии, в семье арендаторов земли, успешно ведущих свое хозяйство.

Мальчик был крещен в евангелическо-лютеранском приходе (Нейгаузен). Крещение провел и удостоверил церковной печатью пастор фон Гавель.

В семье отец говорил с детьми по-латышски, а мать — по-немецки (она была из прибалтийских немцев).

Отец был довольно образованный человек и хороший мастерской. Он постоянно что-то мастерил, но больше всего любил рассказывать и слушать от других захватывающие истории и легенды.

С семи лет Эдуард посещал народную волостную школу, затем духовно-приходскую, которую организовал пастор фон Гавель, где занятия шли на немецком и латышском языках, а также преподавали латынь и русский язык.

В тринадцать он поступил в старший класс Айпутского уездного училища, окончив его первым учеником.

Летом на каникулы приезжал сын зажиточного хуторянина гимназист Зилитс. Он любил прихвастнуть своими знаниями, говорил о том, что в гимназии он изучает греческий язык и уже знает кое-что о древнегреческом философе Сократе.

И только один мальчик слушал его как замороженный — это был Эдуард Аболь. Он попросил гимназиста позаниматься с ним, и все лето они штудировали алгебру, геометрию, греческий и русский языки.

Эдуард твердо решил, что он должен поступить в Либаускую (г.Лиепая) гимназию, чтобы узнать как можно больше о Сократе и заговорить на его языке. Однако родители приняли решение отправить его на работу подручным в аптеку г. Рязани.

На столе лежали дорожные деньги и узелок с вещами. Это был 1884 год. Начало его работы в аптеке. При 14-часовом рабочем дне и периодических ночных дежурствах Эдуард самостоятельно начал готовиться к экзамену за IV класс гимназии и был зачислен учеником аптекаря, а затем сдал экзамены в Московский императорский университет на аптекарского помощника. В 1888 году с отличием оканчивает университет и начинает служить в частных аптеках Москвы — Лубянской, Москворецкой и в Нижнем Новгороде. В 1890 году он поступил в крупнейшую аптеку Феррейна в Москве.

При одном свободном от работы дне в неделю на правах вольного слушателя окончил провизорские курсы.

В 1892 году после участия в забастовке служащих против тя-

Евгения Аболь с супругом
Александром Читадзе. 1919

желейших условий труда и быта, вынужден был оставить работу и поклялся больше никогда не служить в аптеке.

Во время эпидемии холеры был дезинфектором, в том же 1892 году выдержал экзамен на провизора.

Перебиваясь случайными заработками, снова начал готовиться к поступлению в 1896 году в Московский университет на медицинский факультет по специальности – фармацевтика. Защитил диссертацию в 1899 году и был утвержден в степени магистра фармации, что подтверждено дипломом.

В том же 1899 году поступает на фармацевтический факультет Казанского ветеринарного института, по окончании которого в 1902 году получает звание приват-доцента фармации.

Однако желая приобрести как можно больше знаний, и чтобы не было никаких упущен-

Эдуард Аболь с супругой Эммой Мукке

ний в обучении, Аболь сдает экзамены за полный курс при VIII Московской гимназии и вновь становится студентом Московского университета физико-математического факультета по специальности физико-химика-органика, получая повышенную стипендию профессора Расцветова.

Параллельно с дозволения государыни Марии Федоровны Эдуард Аболь был допущен к безвозмездному преподаванию физики в детском приюте.

В 1915 году с дипломом I степени оканчивает физмат и преподает в различных учебных заведениях Москвы.

Семейное положение: от первой жены Елизаветы родилась дочь Евгения.

После смерти жены он женится на Эмме Мукке. Дача ее семьи и сейчас находится в целостности и сохранности в Юрмале, ст. Булдури, где живут потомки семьи Мукке. Вместе со второй женой и маленькой дочкой Евгенией Эдуард Аболь проживает в Москве, а лето они проводят в Латвии. В Риге живут на улице Авоту, а на дачу ездят в Юрмалу.

Дочь избрала специальность филолога. В Москве она познакомилась с грузинским архитектором Александром Читадзе (Читаев), вышла за него замуж и переехала с мужем в Грузию.

У них родилась дочь, названная также Евгенией, прекрасная

пианистка. Она вышла замуж за театрального художника Алексея Чедия и у них родился сын Алексей.

Со своей женой Эммой Аболь не раз приезжал к дочке в Грузию, а в 1924 году в Москве подал в отставку и окончательно переехал к дочке и внучке, купив дом в Тифлисе по улице Тархнишвили.

Согласно протоколу № 8 от 26 июня 1924 года заседания Совета Тифлисского государственного университета, академиком Иване Джавахишвили Эдуард Аболь был приглашен на должность заведующего кафедрой и доцентом химико-фармацевтического отделения кафедры лекарственных растений, а затем институт выделился в самостоятельный ВУЗ и Аболь стал заведующим кафедры фармакогнозии, которую он же и основал.

А в 1932 году и до конца жизни (а умер он на 92-м году жизни) руководил также отделением фармако-ботаники научно-исследовательского института фармакохимии. Впоследствии институт был назван именем академика Иовела Кутателадзе.

Отделение, в которое был приглашен Эдуард Аболь зав. кафедрой, занималось исследованием флоры Грузии: организовывались экспедиции, сбор растений из различных регионов Грузии, проводились химические анализы и изготовлялось сырье для лечебных препаратов. Созда-

вались гербарии, а впоследствии при институте появился Музей гербария.

Увлечение философией привело его снова к учебе. Будучи беспартийным, на 66-м году жизни Эдуард Аболь поступает в Институт марксизма-ленинизма на вечерний факультет и оканчивает его в 1936 году, конечно же, с отличием.

Он делегируется на различные научные конференции, выступает с докладами, которые публикуются в научных журналах.

Его труды касаются фитохимического и микроскопического анализов лечебно-лекарственного сырья.

Он преподавал фармацевтику, особое внимание уделял фармакогнозии, преподавал также химию, физику, природоведение, написал более 70 научных трудов (книги, статьи, доклады), был членом коллегии пяти журналов фармацевтического профиля.

Эдуард Аболь провел в качестве председателя 12 сессий государственных экзаменов по фармацевтическим вузам.

Многие из его студентов стали известными учеными, доцентами, профессорами.

Одна из его лучших студенток профессор Лина Эристави в своей книге «Фармакогнозия» писала о своем учителе как о высокообразованном, интеллигентном и утонченном человеке: «Достаточно было увидеть его лишь раз и

Памятный вечер в Посольстве Латвии в Грузии. Выступает посол Элита Гавеле

вы бы уже его не забыли».

В 1935 году Э.Аболу была присуждена степень доктора биологических наук Грузии Президиумом Верховного Совета Грузинской ССР.

Во время Второй мировой войны прикреплен к военной лаборатории противохимической обороны и награжден медалями «За доблестный труд в ВОВ» и «За победу в ВОВ».

Ну, а если говорить о прошлых наградах, то это три почетных грамоты императора Николая II в 1907, 1912 и 1915 гг.

В 1911 г. — орден Св.Анны III степени, в 1913 г. — медаль в память 300-летия дома Романовых, в 1914 г. — орден Св.Станислава II степени.

Магистр фармации, доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель наук Грузии Эдуард Аболь знал 11 языков, интересовался искусством,

философией, играл в шахматы, играл на фортепиано, писал стихи и обладал большим чувством юмора.

Его жизнь, трудолюбие, жажда знаний и тот след научной деятельности, который он оставил потомкам, являются примером человека с большой буквы.

Все материалы исследования — это совместный труд латышского общества «AVE SOL», Посольства Латвии в Грузии во главе с Чрезвычайным и Полномочным послом Элитой Гавеле; научно-исследовательского института фармакохимии им. И.Кутателадзе во главе с директором, доктором фармацевтических наук, профессором Наной Горгаслидзе, академиком Этери Кемертелидзе, проработавшей вместе с латышским ученым 13 лет. И, конечно же, бесценна память потомков Аболя — семьи правнука, профессора истории Алексея Чедия.

Именно благодаря такому альянсу стало возможным триумфальное завершение проекта. 9 декабря 2015 года в Посольстве Латвии в Грузии была проведена презентация исследований жизнедеятельности замечательного латышского фармацевта с выставкой личных вещей, фотоальбомов, архивных и семейных документов, с докладом и воспоминаниями. А 29 февраля 2016 года на территории Института им. И.Кутателадзе, в аллее фармацевтов была открыта звезда памяти Эдуарда Аболя (Аболса).

На открытии звезды Эдуарда Аболя. Тбилиси. 2016

Илья Лиснянский с Бесо Хурцилава и Отари Чопикашвили

СНЫ В ТБИЛИСИ

■ Илья ЛИСНЯНСКИЙ

Сон второй.

Про жизнь как театр.

*Посвящается Диме Кимельфельду,
Вигену Вартанову и Гаянэ Пахлеванян*

Когда я прилетел в Тбилиси, местные люди, несомненно, желавшие мне добра, заволновались: «Ты ни в коем случае не нервничай, а постарайся почувствовать этот город».

Смутные воспоминания пришли на помощь. В бытность свою аспирантом онкоцентра в Москве, был я избран на руководящую должность в совете общежития. Появилась возможность помогать друзьям, чем они, естественно, стали пользоваться. Вскоре ко мне обратился малознакомый до того тбилисский парень Тариел с просьбой «прописать» отца на недельку. Я принес ему раскладушку из каптерки и договорился с вахтершами, чтобы они «сквозь пальцы» смотрели на нарушение дисциплины. Бабушки с пониманием отнеслись к просьбе, отец есть отец, и вопрос был полностью решен.

Однако...

Миша, так звали папу, преисполнился чувством благодарности и потребовал, чтобы я предстал перед ним в первый же вечер своего пребывания в столице. Мне было некогда, на столе лежала недописанная статья, которую требовали сдать немедленно, однако Тариел так умолял, повторяя «чуть-чуть посидим», что я пожалел парня, полагая, что схожу, познакомлюсь со стариканом и вернусь к машинке допечатывать.

Я тогда не знал, что «чуть-чуть посидеть» по-грузински — это многочасовое застолье, когда блюда сменяются одно за другим, а выпитое вино измеряется декалитрами.

Когда я вошел в квартиру, то наткнулся на трех крепких мужиков, возглавляемых Ален Делонем. Делон оказался папой Тариела, и начал...

Из его тоста выяснилось, что он всю жизнь мечтал познакомиться со мной, «молодым, но уже великим ученым. Что впереди у меня большие свершения, и что Альфред Нобель был великим провидцем, смотревшим в далекое будущее и верившим, что наступит день «и его медал с гордостью повесят на грудь того, кто воистину заслужил этот подарок благодарного человечества». Я с интересом слушал. Чокнулись, выпили.

Подхватил папин друг, от которого я узнал, что Тариел ему тоже сын, и он гордится, что лучший друг этого сына — великий хирург. «Клянусь, дорогой, если б мою мать, светлая ей память, нужно было оперировать, я бы приехал в Москву только к тебе!». Чокнулись, выпили.

Третий мужчина был, один в один, Арнольд Шварценеггер. Он все время перешептывался с Тариелом, потом представился его крестным отцом и загудел утробным басом: «Так выпьем же за замечательного сына еврейского народа, нашего дорогого, нашего любимого... Клянусь, у меня много друзей-евреев, помнишь, этот, как его, ну, который лекарствами торгу-

ет возле армянской церкви, – обратился он к Мише, – они все – великие люди! И ты, мой дорогой – самый великий из них!». Чокнулись, выпили.

В силу своей юной неопытности я начал горячо возражать и оправдываться, пытаюсь объяснить, что не обладаю и долей приписываемых мне заслуг, но меня уже никто не слушал, все занялись горячим шашлыком, присланным на такси из ресторана «Арагви».

Нади ли уточнять, мой читатель, что в тот вечер я статью не дописал? Не дописал я ее и на завтра, и на послезавтра... Сменялись люди, появлялись какие-то новые земляки, но все остальное оставалось по-прежнему: в шесть вечера Тариел стучался в дверь моей квартиры. Неделю, целую неделю изо дня в день, я выслушивал пространные тосты на русском и грузинском языках. Неделю старушки-вахтерши, закормленные лучшими шоколадными конфетами Москвы (где их доставали в те времена?) заговорщицки подмигивали мне и одобрительно кивали головой. Неделю мой шеф цедил через золотой зуб: «черепашьи темпы», и выслушивал пространные объяснения про «тяжелый творческий кризис, который вот-вот закончится». Неделю я

давал себе обещания прекратить это безобразие и засесть за работу.

А потом все стихло. И стало даже немножко грустно.

Только тогда я понял, что участвовал в замечательном театральном представлении под названием «Тбилисцы».

Чтобы почувствовать Тбилиси, надо полюбить театр. А любите ли вы театр, как любил его тбилисец Немирович-Данченко? Если ответ положительный, то продолжим.

Девять утра. Город медленно потягивается, готовясь к «напряженному рабочему дню». Кафе уже открыто, но там еще ничего нет. И никого. Хозяйка, полноватая женщина, лет шестидесяти пяти, в шлепанцах на босу ногу, лениво приоткрывает левый глаз и несколько удивленно смотрит на нас. С трудом поняв, что мы зашли позавтракать, начинает двигаться. В то время как ее молодая компаньонка отправляется на кухню готовить кофе, сама она высаживается за соседний столик и начинает тщательно накрашиваться. Это делается с такой серьезной тщательностью, что невольно напрашивается сравнение с примой государственного театра в гримерной комнате.

Держа во рту шпильку и нанося какие-то румяна перед метровым зеркалом, стоящим на столе, тетка на глазах превращается в знойную даму. Шлепанцы мешают выстраиванию образа, поэтому она старается спрятать ноги под стулом. Зато все то, что над стулом, громко говорит без слов: «Да, я очень красива и умна. И не какая-нибудь безродная потаскушка, каких сейчас много развелось. У меня дедушка князь, а папа работал главным санитарным врачом района. И муж был советским полковником. И сама я пэдагог. Слышите, не учительница, а пэдагог! Но жестокие превратности судьбы столкнули меня в пропасть безденежья. Кто-то должен был пожертвовать собой во имя семьи, и я безропотно взвалила на себя тяжкий крест. И вот, несу его в месте, не стоящем даже одного моего мизинца».

Весь этот мысленный монолог я прослушал с большим вниманием. Дама увидев, что я достоин разговора, продолжила красить губы и, не отрываясь от зеркала, спросила томным голосом: «Вы приехали в гости к друзьям, дааа? Что вам понравилось в Тбилиси? Здесь столько всего прекрасного! Но самое прекрасное – люди! Жалко, что не все это понимают».

В глазах – смесь благородной гордости с укором. Глубокий вздох. Долгая пауза.

Любите ли вы театр, как любил его тбилисец Сумбатов-Южин? Если ответ положительный, то продолжим.

Сумасшедшие вносят дополнительные краски в жизнь города. Старожилы до сих пор вспоминают безумную Марину, сидевшую на одном из перекрестков, и жезлом останавливавшую машины. Ей платили дань за проезд. Или Кикю, ездившего в трамвае целый день, высунувшись из окна. Особый колорит в городе принадлежал Сергею Параджанову.

Режиссера, создавшего всего несколько фильмов, из которых четыре признаны гениальными. Каждый из них стал классикой национального кинематографа: украинского («Тени забытых предков»), армянского («Цвет граната»), грузинского («Легенда о Сурамской крепости») и азербайджанского («Ашик-Кериб»). Восторженные отзывы всех мировых звезд, премии, награды международных фестивалей и стойкая репутация человека с острым языком.

Он был королем эпатажа, выдумывал про себя самые невероятные истории. Самая известная из них – про бриллианты: «Мой папа являлся известным антикваром Тифлиса. В доме всегда что-то лежало «на оценку». Когда приходила милиция с обыском, он меня заставлял глотать бриллианты, а потом посылал маму ходить за мной с горшком, ожидая возврата ценностей».

Параджанов тщательно режиссировал любое свое появление, выстраивал каждую мизансцену. Причем не только в общении с незнакомыми людьми, но и с самыми близкими, родными. В результате получилась такая биография, что о нем сняли шестьдесят фильмов и написали це-

лую библиотеку. Как в любом хорошем театре, образ оказался более значимым, чем текст.

Впрочем, и тексты замечательны.

«Как не могу я благоговеть перед великой памятью Ленина, когда поражен я, как режиссер, его артистизмом, его ораторскими способностями, его мозгом; мозг, который был удивительно гигантский? Он, как пророк, ему не хватало земли, и, вот артистизм вынудил подать броневик, он встал на броневик, как актер на сцену, и сам стал бронзовым, он стал монолитом. Потому что в нем был артистизм! И вот, нам, режиссерам, мне лично, нравится артистизм и в политическом деятеле, и в человеке, и в своем друге» (Из фильма Ron Holloway «Paradjanov. A Requiem. 1994»).

Таким людям претит скука и вялые люди. Им нравится театр.

Но иной театр леденит душу. Волею тбилисца, в страшных тридцатых по городам страны разъезжали фургоны с надписью «Хлеб» и собирали человеческий урожай, а дальше

устроивалось представление по всем правилам актерского ремесла. Неграмотный крестьянин, не знающий, где находится соседняя область, обвинялся в шпионаже в пользу Японии. Какая-токая, Япония? А, не важно, какая. Важна сюжетная линия.

Только в Грузии были репрессированы десятки тысяч людей. Но при этом, «лучший друг народов» живет там в памяти.

*Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит, будто сто
по Цельсию!
Вижу: бронзовый
генералиссимус
Шутовскую ведет
процессию.
(А.Галич. «Ночной дозор»)*

В Гори рассказали мне историю, случившуюся сразу после войны.

К Сталину пришли из МИДа: «Иосиф Виссарионович, турки ноту протеста прислали в связи с тем, что на этикетке армянского коньяка изображена гора Арарат, а она находится не в Армении, а на территории современной Турции.

— Так у них, самих, на флаге Луна. Что, она им принадлежит?

Потом, пыхнув трубкой,

недобро прищурился:

— Передайте вашим турецким коллегам, что вопрос, где следует находиться Арарату, можно пересмотреть.

И ноту срочно отзывали.

Смех смехом, а ведь история показывает, что все возможно...

А вообще-то, «Арарат» и на моем столе смотрится неплохо.

Такая вот, была большая «Игра»! И куда Нерону с его брэнчанием на кифаре или поджогом Рима!

Любите ли вы театр, как любил его тбилисец Абуладзе, создавший «Покаяние» — самый значительный фильм про сценаристов, режиссеров и актеров эпохи культа личности? Если ответ положительный, то продолжим.

Одно из самых ярких впечатлений о Тбилиси связано с театром марионеток Резо Габриадзе имени его самого. Автор сценариев к фильмам «Мимино», «Не горюй!», «Дюма на Кавказе», скульптур «Чижик-Пыжик» на Фонтанке, «Нос майора Ковалева» в Санкт-Петербурге и памятника герою одесских анекдотов Рабиновичу... Как указано в энциклопедии, «его работы по живописи, графике и скульптуре находят-

ся в многочисленных государственных и частных коллекциях в США, России, Германии, Израиле, Франции и Японии».

Это МХАТ начинается с вешалки, а театр марионеток Р.Габриадзе начинается с улицы.

Театр находится в башенке, украшенной изразцами работы Самого. На башне часы, рядом надпись золотом по камню на латинском языке: «Пусть все ваши слезы будут только от лука». Трудно сказать, угадывается ли тут лукавый парфраз высказывания И.Бунина «слезы у людей можно вызвать двумя способами — либо написать талантливую драму, либо просто нарезать лук», или это просто случайное попадание Мастера в тонкий слой самоиронии?

В семь и в двенадцать створки под часами открываются и начинают проплывать фигурки. Свадьба — рождение ребенка — старость — смерть — снова свадьба. Круговорот времени и вечное торжество непрекращающейся жизни. Собственно, во всем этом антураже без труда определяется сценическое представление, разогревающее зрителя, подготавливая его к дальнейшему развитию спектакля.

А постановка называлась «Рамона». История любви...

Виген Вартанов

двух паровозов. Пересказать ее невозможно. Объяснить — тем более. И не буду. Театр — это всегда сумасшествие, расщепление рассудка. Погружение в иную реальность, в параллельный мир, в зазеркалье.

Кстати! Любите ли вы театр, как любил его тбилисец Грибоедов, написавший комедию «Горе от ума», не сходящую со сцены без малого два века? Если ответ положительный, то продолжим.

Впрочем, я несколько увлекся искусством, забыв, что главные театральные подмостки Тбилиси — это сам город.

Обычный тбилисский дом, каких тысячи. Дом чудес.

Во время прогулки по одному из старинных уголков города

нас внезапно окликнули с балкона. Собственно, окликнули не нас, а Сашу Сватикова. Вы еще не знаете, кто такой Саша? Значит, вы не тбилисец. В Тбилиси Сашу знают практически все. Не беспокойтесь, очень скоро и вы познакомитесь с этим главным персонажем моих снов в Тбилиси.

— Это мой знакомый. Замечательный человек. Зайдем?

— Ну, конечно, зайдем!

И мы зашли. О, если бы я только знал — куда! Когда я готовлюсь брать интервью, то всегда включаю диктофон. И фотографирую, фотографирую...

Диктофон остался дома. Более того, когда мы переступили порог квартиры, я забыл даже про фотоаппарат. И не мудрено! Стены, от пола до по-

толка, были увешаны сотнями различных предметов: старинными подносами, лампами, дверными ручками, ключами, замками, кнопками от звонков, жетонами, гардеробными номерками, пожелтевшими фотографиями, эмалированными табличками, среди которых выделялась «Доктор-венеролог З.Векслер» ...

— А это мой дед Акоп. Он служил переводчиком в Офицерском собрании. В 1915 году его убили. Это принадлежащие ему вещи: орден, часы, страховая бумага на дом в когда-то армянском, а ныне турецком городе Карсе.

Седобородый хозяин, похожий на библейского пророка, сошедшего с киноэкрана, пытался посвятить меня в историю вещей, а я его почти не слышал. Я был, как в тумане. Квартира являлась одной большой и цельной инсталляцией, в которой каждая деталь, каждая составляющая часть находилась на своем, только ей определенном, месте. Живые люди весьма органично вписывались в пространство, заполняя в нем естественные пустоты. Оставалось только смотреть, смотреть, смотреть.

Женский голос вывел меня из состояния шока: «А это Вигенчику подарил Сержик. Следовательно тарелки положил одну на другую и хлопнул по ним рукой. Вот, получились одинаковые трещины». Гаянэ, хозяйка дома, подсвечивая фонариком темные углы, демонстрировала драгоценности этой сказочной пещеры Аладдина.

Затем, подхватив нас, ошарашенных увиденным, она перешла в соседнюю комнатушку, где рядом со старинной кроватью громоздился на столе компьютер — единственная современная вещь в доме, если не считать детского манежа для «приходящих» внуков. На экране замелькали картинки. Виген Вартанов, известный фотохудожник, проработавший много лет на киностудии, в

свободное время... фотографировал. И более всего его привлекали старые тбилисские подъезды, чугунные решетки, керамические плитки.

— Он буквально валялся на полу, снимая потолки, лестницы. Видели бы вы, в каком виде он возвращался домой! Я его сразу раздевала и уносила все стирать. А потом надо было систематизировать фотографии домов, раскладывать их по адресам, составлять картотеку. Вигенчик с компьютером не дружит, мне пришлось освоить самой, было нелегко. А еще труднее было оцифровать пленку, но что поделать, пришлось потрудиться. Зато сейчас вы можете посмотреть.

Сотни, тысячи кадров. Уникальные картины уходящей красоты. Все это, увы, стремительно ветшает и рушится, но фотография уносит увиденное в будущее, и потомки еще много лет будут удивляться дивной работе старых мастеров.

— Но почему, почему это не публикуется?

Вместо ответа Гаянэ открывает новую «папку»: «Это коллажи Вигенчика». На экране возникают квадратные деревянные доски с наборами предметов, перьями, рисунками, скомбинированными в каком-то причудливом порядке. Их десятки. Я невольно ощутил себя в сказке, смысл которой даже не успел понять.

— Вот они все, на шкафу, — включается до этого скромно молчащий автор и показывает на аккуратно сложенные стопки.

Тем временем начинается последний акт представления. Папка «С. Параджанов». Выясняется, что для великого режиссера эта квартира была очень близкой, что с Вигеном и Гаянэ его связывали самые тесные взаимоотношения, что он регулярно писал им из мест заключения. Эти многочисленные письма, написанные на открытках и иллюстрированные рисунками, образцами «личных печатей» для блатных автори-

Виген Вартанов и Гаянэ Пахлеваниян

тетов, изготовленных художником для поднятия авторитета собственного, для выживания в нечеловеческих условиях, являются бесценным документом эпохи. И, конечно, фотографии, уникальные свидетельства многолетней дружбы; черно-белые портреты, с которых два больших художника пристально всматриваются в наши лица.

Так вот какого «Сержика» имела в виду Гаянэ, показывая нам треснувшие тарелки!

— Многие отзываются о нем, как о человеке неприятном, а с нами он был совсем другим. Очень внимательным другом, заботливым, деликатным.

Я не понимаю: «Так почему же вы все это храните здесь, в личном компьютере? Почему не публикуете?»

Гаянэ поворачивается к Вигену и вопрошающе смотрит на него.

— Я опасюсь их публико-

вать, а то будут думать, что примазываюсь. У него сейчас столько «друзей» развелось! Некоторых он и знать не знал. И украдут еще фотографии...

— О, сумасшедший! — воскликнул я в сердцах.

Выйдя из квартиры, я, не в силах больше сдерживаться, остановился и сказал: «Виген — абсолютный гений! И ты, Саша тоже — гений, что привел нас к нему». А Элка, молчавшая все это время, тихо добавила: «Нет, абсолютный гений — его жена Гаянэ».

И ей никто не возразил.

А теперь скажите, друзья мои, действительно любите ли вы театр тбилисцев, как полюбил его я? Если ответ положительный, то будем потихонечку переходить к сну третьему.

Фото автора

(Окончание следует)

«РУССКИЙ КЛУБ» РАСШИРЯЕТ ГРАНИЦЫ

Не придумано лучшего способа дружить странами, как только посредством культуры.

Союз «Русский клуб» руководствуется одной целью – культурной, творческой. А она всегда миротворческая и значит – «поверх барьеров».

За годы существования (а это, ни много ни мало, уже 12 лет с лишком) «Русский клуб» реализовал более 300 проектов – это поэтические фестивали, литературные и музыкальные вечера, конкурсы детского творчества, творческие встречи с известными деятелями искусства, благотворительные акции... Но предмет особой (и вполне заслуженной!) гордости Союза – уникальные печатные издания: художественные альбомы, поэтические сборники, сборники переводов прозы и поэзии, научно-популярные, публицистические и художественные книги.

Из более чем внушительного списка хочется отметить две книжные серии и издания, приуроченные к 170-летию Русского театра в Грузии.

В 2014 году «Русский клуб» приступил к изданию серии «Русские в Грузии» – первого систематизированного цикла очерков о великих деятелях культуры России, чья судьба была связана с Грузией, которая всегда платит любовью за любовь и с благодарностью помнит своих друзей. На сегодняшний день вышли в свет 14 книг. Их

героями стали Борис Пастернак, Андрей Краснов, Наталья Бурмистрова, Петр Чайковский, Осип Мандельштам,

Георгий Товстоногов, Александр Товстоногов, Павел Луспекаев, Владимир Немирович-Данченко, Борис Казинец, Владимир Маяковский, Леонид Варпаховский, Михаил Смирнов, Александр Грибоедов.

К Новому году Союз, по доброй традиции, всегда выпускает очередное издание из серии «Детская книга», адаптированное специально для юных грузиноязычных читателей, снабженное русско-грузинским словарем, занимательными заданиями и обязательно – красочно иллюстрированное. Таких изданий выпущено уже девять – «Иван-Царевич и Серый Волк», «Аленький цветочек» С.Аксакова, «Стихи для детей» А.Барто, «Русские народные сказки», «Добрые стихи» Н.Думбадзе, «Хороший день» С.Маршака, «Сказки Пиросмани», «Рождественский подарок» И.Чавчавадзе, «И у нас Новый год».

А к юбилею Грибоедовского театра вышла книга-альбом «Русский театр в Грузии – 170» – беспрецедентная театральная летопись, повествующая об истории Грибоедовского, о великих деятелях, чьи имена прославили его и вошли в золотой фонд искусства театра.

Сегодня все эти книги не только разошлись по рукам благодарных читателей во многих странах, но и вошли в фонды самых уважаемых и популярных библиотек мира: Российская государственная библиотека (Москва), Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург), Bibliothique des langues et civilisations orientales (Париж, Франция), Universita degli studi di Macerata (Мачерата, Италия), Национальная библиотека Германии, The Library of Congress (Вашингтон, США), The New School for Social Research (Нью-Йорк, США), Национальная библиотека Армении, Национальная библиотека Азербайджана и др.

Союз «Русский клуб» сердечно благодарит за неоценимую помощь в распространении ведущего специалиста Национальной Парламентской библиотеки Грузии Нинель Мелкадзе. Благодаря ее поддержке с нами знакомы сотни заинтересованных читателей.

Есть стимул работать дальше! И завтра выйдет в свет новая книга, подготовленная «Русским клубом».

SINCE 1884

SARAJISHVILI

ს ა რ ა ჯ ი შ ვ ი ლ ი

ГОРОДА РОССИИ

САРАТОВ
ТРОИЦКИЙ СОБОР НА МУЗЕЙНОЙ ПЛОЩАДИ

